

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины

IV Международный Византийский семинар
ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
«империя» и «полис»

Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
31 мая – 5 июня 2012 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Севастополь
2012

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» // Тезисы докладов и сообщений
IV Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05. – 05.06.2012)

*Издаются по решению Ученого Совета
Национального заповедника «Херсонес Таврический»*

Организационный комитет и Редакция:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, руководитель Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины (Симферополь) - ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. (Paris IV-Sorbonne), заведующий филиалом Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь) - КООРДИНАТОР

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института всеобщей истории РАН (Москва)

БИБИКОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (Москва)

ИВАКИН ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ, член-корреспондент НАНУ, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии НАН Украины (Киев)

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

ЯШАЕВА ТАТЬЯНА ЮСУФОВНА, заведующая отделом Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь) - СЕКРЕТАРЬ

*Конференция проводится при финансовой поддержке
Алексея Евгеньевича Шереметьева*

© Коллектив авторов (2012)

© Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

СОДЕРЖАНИЕ

Айбабин А. И. (Симферополь) ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX — XI ВВ.	5
Алексеевко Н. А., Цепков Ю. А. (Севастополь) КАТЕПАНАТ В ТАВРИКЕ. ЛЕГЕНДАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	6
Афиногенов Д. Е. (Москва) УТРАЧЕННЫЙ ИСТОЧНИК ВИЗАНТИЙСКИХ ХРОНИСТОВ ДЛЯ ПЕРИОДА 717–775 ГГ. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	7
Барабанов Н. Д. (Волгоград) КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ХРАМА СВ. СОФИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В АСПЕКТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ	9
Бутырский М. Н. (Москва) РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ШЕРЕМЕТЬЕВЫХ	10
Виноградов А. Ю. (Москва) АЛАНСКАЯ МИССИЯ ЛЬВА ИСАВРА. К УТОЧНЕНИЮ ДАТЫ	13
Гиньгут Н. В. (Севастополь) МОНОГРАММЫ НА ПОЛИВНОЙ ПОСУДЕ МЕСТНОГО ПРОИЗВОДСТВА ИЗ РАСКОПОК КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО И БЛИЗЛЕЖАЩЕЙ ОКРУГИ	14
Дружинина И. А. (Москва) КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ СВЯТИЛИЩА РЕКОМ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНО-КАВКАЗСКИХ СВЯЗЕЙ НА РУБЕЖЕ XIII/XIV ВВ.	15
Евдокимова А. А. (Москва) АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ПАПИРУСЫ В КОЛЛЕКЦИЯХ DUKE PAPYRUS ARCHIVE, HOUGHTON LIBRARY HARVARD UNIVERSITY И TEBTUNIS PAPYRI	18
Йорданов И. (Шумен, Болгария) ПЕЧАТ НА НЕИЗВЕСТЕН СТРАТЕГ НА ТРАКИЯ И ЙОАНОПОЛ (970–980 ГГ.)	19
Курьшева М. А. (Москва) ВИЗАНТИЙСКАЯ АСТРОЛОГИЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ XII В.	23

Куц Т. В. (Екатеринбург) УЗНИКИ БАШНИ АНЕМА	24
Майко В. В. (Симферополь) ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ X–XII ВВ. В СИСТЕМЕ ПРОВИНЦИАЛЬНО- ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТАВРИКИ	26
Мохов А. С. (Екатеринбург) КРЕПОСТЬ ПЛАТЕЯ ПЕТРА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ	28
Мусин А. Е. (Санкт-Петербург) МИТРОПОЛИТ КИЕВСКИЙ НИКИФОР (1104–1121): ВОЗМОЖНОСТИ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	30
Науменко В. Е. (Симферополь-Бахчисарай) ФЕМА КЛИМАТОВ В ТАВРИКЕ	32
Рыжов С. Г., Яшаева Т. Ю. (Севастополь) БРОНЗОВЫЕ ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ ХРИСТИАНСКИХ ХРАМОВ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА	34
Седикова Л. В. (Севастополь) ШТАМПЫ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЛИТУРГИЧЕСКОГО ХЛЕБА ИЗ ХЕРСОНЕСА	35
Сидоренко В. А. (Симферополь) ЛИТЫЕ ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ IX–XII ВВ.	37
Степаненко В. П. (Екатеринбург) «АРХОНТ АРХОНТОВ» В ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКЕ XIV	43
Филипчук А. М. (Черновцы) ПРОСОПОГРАФИЯ РОСОВ И ВАРЯГОВ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ: ИНДИВИД И СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА	45
Храпунов Н. И. (Симферополь) О МОНЕТАХ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ	47
Чхаидзе В. Н. (Москва) ВИЗАНТИЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В ТАМАТАРХЕ–ТМУТАРАКАНИ В IX–XII ВВ.	48
Шаманаев А. В. (Екатеринбург) МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРОСОПОГРАФИИ В «ЗАПИСКАХ» ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ	50

А. И. АЙБАБИН

Крымское отделение Института востоковедения НАНУ
(Симферополь, Украина)

ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX — XI ВВ.

Византия восстановила свое правление в Юго-Западном Крыму во второй половине IX в. Константин Багрянородный назвал регион Климатами и полагал, что они находились под защитой Византии. Города и деревни между Керченским проливом и Херсоном (*городами Романа*) принадлежащими Византии считал и автор Кембриджского документа. Судя по найденной в Херсоне печати конца X — начала XI вв. императорского спафария и турмарха Готии, официально регион также как и в VIII–IX вв. назывался Готией. Очевидно, после включения Готии в состав фемы Херсона византийцы сохранили её в качестве административной единицы — турмы фемы Херсона.

Административный центр одного из климатов, скорее всего, можно локализовать на плато Эски-Кермен. Судя по выявленным здесь строительным остаткам, в рассматриваемый период большая часть плато была плотно застроена. Почти всю территорию южной половины плато занимали прямоугольные кварталы, сооруженные по обе стороны главной и параллельной ей улиц. Между кварталами под прямым углом к главной улице были проложены более узкие проулки. Кварталы состояли из 1–4 усадеб.

В результате раскопок выявлены многочисленные свидетельства производившейся с конца IX в. перепланировки городских кварталов. В некоторых усадьбах в процессе перестройки помещений уничтожались более ранние хозяйственные и производственные сооружения. В исследованном в 2003–2008 гг. на главной улице квартале в усадьбе III двор превратили в маленькую площадь, а на месте одного из помещений соорудили квартальную часовню. Небольшие часовни характерны для одновременных византийских городов, например Херсона. Эти храмы являлись общинными приходскими церквями, строившимися в каждом квартале самой городской общиной. Очевидно, в тот же период и на территории городища Эски-Кермен в каждом квартале функционировала часовня. Некоторые из них раскопаны экспедициями Н. И. Репникова и Е. А. Паршиной. В конце IX в. новые храмы с усыпальницами были вырублены и на подъемной дороге.

КАТЕПАНАТ В ТАВРИКЕ: ЛЕГЕНДАРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Вопрос существования катепаната в византийской Таврике давно привлекает внимание ученых византинистов. Известные до настоящего времени источники не давали возможности однозначно ответить на этот вопрос. В письменных источниках среди известных катепанатов Византийской империи Таврический (или Херсонский) не фигурирует. Напротив в памятниках сфрагистики мы имеем достаточно стройный ряд херсонских стратигов вплоть до середины XI столетия.

В тоже время хорошо известен пассаж из Лаврентьевской летописи об отравлении тмутараканского князя Ростислава Владимировича херсонским правителем. Древнерусский хронист называет его «котопаном». В этой связи всегда существовал вопрос, назван ли херсонский функционер настоящим названием его должности или же летописец применил к должности херсонского стратига новое, название должности византийских наместников, которое было более характерное уже для второй половины XI в. Напомним, что в известной надписи 1059 года патрикий Лев Алиат, владетель Херсона и Сугдеи по-прежнему назван стратигом. Казалось бы, здесь нам на помощь должны прийти памятники сфрагистики. Однако, приведенные в свое время И. В. Соколовой два моливдовула весьма неудовлетворительной сохранности не давали такой возможности. Легенды обеих печатей сильно фрагментированы и предлагаемые автором публикации реконструкции надписи по двум трем литерам могли иметь далеко не однозначные решения. Исследовательница сама указывает лишь на предположительное чтение легенд.

Первая из них представляет владельца в ранге императорского (?) протоспафария $\epsilon\rho\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \chi\rho\upsilon\sigma\omicron\nu\ \rho\iota\kappa\lambda\iota\eta\upsilon\varsigma$: ...Α:СПΑ|ΕΠΙΤ|ΟΥΧΡ|ΤΡΙΚΛΙ|Ν|Π[Α]Ν[Χ]Ν.С (см.: Вишнякова, 1939, № 5; Соколова, 1983, № 50). Должность «катепана» восстанавливается лишь по двум сомнительным литерам. Имя топонима здесь тоже весьма проблематично. К тому же сфрагистический тип печати — погрудное изображение Богоматери в сопровождении традиционной круговой надписи с invocativным обращением исключает датировку данного экземпляра временем позднее X в.

Второй моливдовул называет только имя и должность владельца: ΚΕΡΘ|ΝΙΚΗ|ΚΑΤΗ|ΚΕΡ.ΙΕ... (см.: Соколова, 1983, № 57), без указания каких либо придворных рангов, что тоже весьма не характерно для официальных византийских печатей X–XI вв. Согласно сфрагистическому типу (фигура св. воина в рост) ее, безусловно, следует отнести к памятникам XI столетия. Однако и на этом экземпляре и должность, и топоним восстанавливаются лишь предположительно.

Но по счастливой случайности все-таки именно памятникам сфрагистики

предстоит поставить окончательную точку в решении рассматриваемой проблемы: существования катепаната в Таврике.

В 2011 году среди сфрагистического материала, происходящего из ближайшей округи византийского Херсона, удалось обнаружить один весьма примечательный экземпляр, имеющий самое непосредственное отношение к нашей теме. Моливдовул отлично сохранился и имеет полную легенду, что исключает какие-либо ошибочные толкования в расшифровке представленной на нем надписи.

На лицевой стороне печати представлено изображение фигуры Богоматери, по сторонам которой расположены титулы $\overline{\text{MP}}$ — $\overline{\text{ΘV}}$.

Легенда оборотной стороны гласит: «Богородица, помоги Никифору Алану, вестарху и катепану Херсона и Хазарии».

Здесь, очевидно, уместным будет вспомнить второй моливдовул, опубликованный И. В. Соколовой, на котором владелец тоже носил имя Никифор. Не исключено, что обе печати могли принадлежать одному и тому же персонажу.

Появление новой находки, бесспорно указывающей на существование в Таврике вслед за фемой военно-административного округа — катепаната во второй половине XI — рубеже XI/XII вв. заставляет не только по новому посмотреть на историю региона в период распада фемного строя, но и в известном смысле переоценить роль и значение Херсона в византийской политике и дипломатии того времени.

Д. Е. АФИНОГЕНОВ

Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

УТРАЧЕННЫЙ ИСТОЧНИК ВИЗАНТИЙСКИХ ХРОНИСТОВ ДЛЯ ПЕРИОДА 717–775 Г. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Десять лет назад я предложил гипотезу, согласно которой источником «Хронографии» Феодана Исповедника и «Бревиария» патриарха Никифора было некое историко-полемическое иконопочитательское сочинение, условно называемое **Historia Leonis et Constantini* (кратко **Historia Leonis*), описывавшее царствования императоров Льва III и Константина V (717–775) (Afinogenov, 2002). Никифор также использовал этот текст при написании своих «Апологетика и Антирретиков», а конкретно III Антирретика. Георгий Монах в своей «Краткой хронике», созданной в 846/847 г., пользовался данным источником независимо. Дальнейшие

изыскания дали некоторые дополнительные результаты, которые можно сформулировать в виде ряда тезисов, каждый из которых основывается на серьезных аргументах и прежде всего на анализе текста указанных авторов.

1. Наше реконструируемое сочинение начиналось с краткой биографии Льва III до его восшествия на престол, фрагменты которой сохранились у Феофана (Theophanes, 391₅₋₁₀ и, возможно, 395₂₋₁₂).
2. Заканчивался текст смертью Константина V в 775 г. Есть четкие признаки, прежде всего стилистические, указывающие на то, что рассказ о царствовании Льва IV заимствован из другого источника либо написан самим Феофаном.
3. **Historia Leonis* состояла из глав (κεφάλαια — Theophanes, 413₁₀), содержащих рассказы об отдельных событиях и, вероятно, сильно отличавшихся по размеру. Некоторые из законченных историй можно восстановить с помощью Георгия Монаха, который сильно сокращает компилируемый текст, но гораздо лучше сохраняет нарративные структуры, особенно если описываемые события происходили в течение нескольких лет (см.: Afinogenov, 2010).
4. Автор источника предпочитал датировку по индиктам, а не по годам правления императоров. Попытку синхронизации дат он сделал на стыке между повествованиями о правлениях Льва и Константина (Theophanes, 412₂₁–413₂).
5. Историк пытался писать ученым, несколько архаизирующим стилем. Само позиционирование манеры изложения как «без излишеств» (περίττως — Theophanes, 413, 13) следует воспринимать не в буквальном смысле, а как признак внимания писателя к художественной стороне произведения.
6. Заявленная цель состояла в «правдивом» описании событий (φιλαλήθως — Theophanes, 413₁₂). Это объясняет относительно «объективный» рассказ об успехах обоих императоров, особенно военных, несмотря на крайнюю враждебность автора к иконоборцам.
7. Историк имел весьма смутное представление о делах Арабского Халифата. Феофан корректирует это, привлекая одну или несколько восточных хроник, чего не делает Георгий.
8. Самая интересная и сложная задача состоит в том, чтобы определить, в какой момент автор источника начинает транслировать свои собственные воспоминания. Есть основания считать, что это происходит самое позднее в рассказе о чуме 748 г.
9. Вероятно, можно выделить ряд дополнительных характерных черт утраченного источника, созданного, несомненно, между 775 и 787 г. (а скорее всего, между 780 и 784 г.) человеком, который родился в 30-е годы VIII в. и явно имел доступ к официальным документам. Выделение таких характеристик остается целью дальнейшего исследования, но уже сейчас очевидно, что особое внимание следует обратить на позицию писателя в политической борьбе в Византии с 60-х по 80-е годы VIII в.

Библиография:

- Georgii Monachi. Chronicon. / ed. C. de Boor / editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. — Stuttgart, 1978.
- Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History. / Text, translation and commentary by C. Mango. — Washington, 1990.
- Nicephori Panriarchae. Antirrhетиci adversus Constantinum Copronymum // PG 100: 205–533.
- Theophanis. Chronographia / ed. C. de Boor. — Lipsiae, 1883.
- Afinogenov D. A Lost 8th Century Pamphlet against Leo III and Constantine V // Eranos 100 (2002): 1–17.
- Afinogenov D. The story of the Patriarch Constantine II of Constantinople in Theophanes and George the Monk: transformations of a narrative. // Byzantine History as Literature. — Manchester, 2010: 205–212.

Н. Д. БАРАБАНОВ

Волгоградский государственный университет
(Волгоград, Россия)

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ХРАМА Св. СОФИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В АСПЕКТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Византийский храм — явление сложное и многофункциональное. Важна его роль как культового центра, в котором совершались обряды, установленные литургической традицией и практикой совершения таинств и треб. Духовная жизнь приходов тем самым концентрировалась в храме. Вместе с тем народное религиозное сознание прекрасно адаптировало этот сакральный локус к потребностям повседневной жизни и ввело в структуру того комплекса, который можно условно обозначить как «народное христианство».

В данном случае проблема рассматривается на примере самого известного и главного храма в истории византийской церкви — св. Софии Константинопольской. Разумеется, знаменитое сооружение Юстиниана I являлось средоточием официального культа и местом совершения ритуалов и церемоний высшего уровня. Однако обросший легендами и ставший обладателем уникальной коллекции реликвий храм стал популярным местом паломничества и обрел особый авторитет в среде рядовых византийских христиан, что значительно расширило сферу его использования в пределах норм религиозного поведения народа. Свидетельства, в той или иной мере касающиеся изучаемой темы, сохранились в источниках разного времени. К числу тех, анализ которых осуществляется в докладе, относятся следующие:

1. Известно, что уже на этапе строительства (532–537 гг.) городской фольклор окружил храм легендами, которые создавали постройке ореол места изобилующего чудесами, что соответствовало стержневым установкам религиозного сознания паствы.

2. От чудесной истории возведения храма легко осуществлялся переход к почитанию его не менее чудесного содержимого — различных частей сооружения и находящихся в нем сакральных объектов. К примеру, напомним, что в процессе строительства мощи святых помещались в стены и колонны, что имело следствием почитание одной из них — знаменитой исцеляющей или «мокрой» колонны, свя-

занной с именем св. Григория Чудотворца. Та же легендарная традиция ярко представляет празднество в честь освящения храма св. Софии, совпавшее с Рождеством 537 г. и осуществленное с закланием для ритуального пиршества огромного количества животных. Данное действо свидетельствует о процессе христианизации древней традиции кровавых публичных жертвоприношений, существующей на народном уровне в греческой церкви до наших дней в облике «курбаний».

Значительное количество данных мы имеем о реликвиях, хранившихся в храме. Записки русских паломников, к примеру, сочинение Антония Новгородского (Добрыни Ядрейковича), позволяют раскрыть особенности отношения к ним и специфику форм почитания.

3. Особые свойства приписывались некоторым священным изображениям, находящимся в Святой Софии. Так пользовалась популярностью икона Христа Исповедника, перед которой считали возможным исповедоваться в тех грехах, о которых стыдно было рассказать священнику. Известно о почитании медного засова (замка) на Царских вратах храма. Ему приписывали способность исцелять от укуса змеи.

4. Выражением народного благочестия являются многочисленные граффити, которые обнаружены на стенах и перилах храма. Часть из них относятся к категории «постоянных молитв», призванных напоминать небесным силам о посетившем св. Софию грешнике.

5. Данные о том, что многие люди стремились провести в катехумениях храма ночь, что очень раздражало представителей высшего клира, скорее всего, свидетельствуют о том, что имела место практика инкубационных снов, нацеленная на достижение чудесных исцелений.

Разумеется, комплекс имеющихся отношении к изучаемой теме свидетельств значительно шире. Его анализ показывает, что в устоявшийся образ Великой Церкви со всеми присущими ему чертами наивысшего выражения византийской церковности следует добавить заметный штрих, отмечающий роль храма в религиозной жизни его рядовых прихожан.

М. Н. БУТЫРСКИЙ

Государственный музей Востока
(Москва, Россия)

РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ШЕРЕМЕТЬЕВЫХ

Предметом настоящего сообщения выбрано византийское серебряное блюдо, находящееся в коллекции известного киевского собирателя А. Е. Шереметьева. Оно изготовлено из тонкого серебряного листа, с неглубоким шаровидным туловом, без ножки и поддона.

На внутренней поверхности блюда выгравирован симметричный узор, составленный из четырёх расправленных листов аканфа, радиально сходящихся

к центру, занятому 8-лучевой розеткой в двойном контурном круге.

На оборотной стороне выбиты контрольные клейма, которые несут главную информацию об этом изделии (см.: Dodd E. Byzantine silver stamps. Washington, 1961, с добавлениями в отдельных статьях). Регламентация клеймения ранневизантийских серебряных изделий произошла в правление Юстиниана (527–565), когда обязательное количество клейм было доведено до пяти, причём каждое имело свою особую форму.

Идентификация формы трёх клейм на описываемом сосуде не вызывает сомнений:

1. **Квадратный штамп.** Монограмма Юстиниана, наверху крест, по сторонам подпись: ΔΙΟΝ — Ι... (имя ΔΙ.ΝΙ..ΥΣ — *Dionisius*- известно на круглом штампе с бюстом императора Юстиниана).

2. **Круглый штамп.** Бюст императора анфас, в диадеме и нимбе. Подпись: ΘΩ-ΜΑ (имя встречается на нескольких разнофигурных штампах периода правления Анастасия и Юстиниана, в т. ч. и на одном круглом штампе с бюстом и монограммой императора Анастасия).

3. **Крестообразный штамп.** В центре крестообразная монограмма: слева — Ε; справа — С; вверху — ϝ; внизу — Β (?); по сторонам монограммы литеры имени — Ι|Ω|Α- [ΝΙ-Ν-ΟΥ (чтение предположительное).

Ни один из этих штампов не имеет точной аналогии на опубликованных изделиях VI в., собранных Э. Додд.

Согласно регламенту, существовали ещё два штампа — шестиугольный и вытянутой прямоугольной формы.

Последнее клеймение на блюде нечётко и не позволяет однозначно судить о форме штампа, но, по-видимому, оно выполнено прямоугольным штампом на наш взгляд с полукруглым завершением сверху.

4. **Прямоугольный штамп (?).** Бюст императора анфас, в диадеме (?) и нимбе сверху и крестообразная монограмма снизу (известно близкое начертание монограммы с именем Юстина). По сторонам нечитаемая подпись: ΝΥΡ|Ι - ... (чтение затруднено из-за плохой сохранности штампа).

Заметим, что изображение весьма близко императорскому бюсту на круглом клейме.

Вид узора с гравированной орнаментальной композицией вокруг центральной розетки был широко распространён на ранневизантийских блюдах VI — первой половины VII вв. Графическая стилистика аканфовой листвы сближает настоящее блюдо с такими памятниками, как блюда юстиниановского времени из Государственного Эрмитажа (Залесская 2006, №№ 26, 30).

Данную датировку подтверждает и наличие крестообразного клейма на нашем памятнике, появившегося в правление Юстиниана, его форма, а также монограмма имени этого императора. Отсутствие пятого (обязательного по юстиниановским нормам) клейма позволяет не только определить время изготовления блюда 527–565 гг., но и в известной мере сузить эти хронологические рамки.

Таким образом, серебряное ранневизантийское блюдо из коллекции музея Шереметьевых можно надёжно датировать временем Юстиниана, вероятно, первыми годами правления.

Рис. 1. Ранневизантийское серебряное блюдо из собрания музея Шереметьевых

АЛАНСКАЯ МИССИЯ ЛЬВА ИСАВРА. К УТОЧНЕНИЮ ДАТЫ¹

История миссии будущего императора Льва III Исавра к аланам, описанная в «Хронографии» Феофана Исповедника под 717 г. — одна из самых живописных картин в византийской историографии: вопреки сомнениям в ее достоверности (П. Шпек), она восходит, вероятней всего, к рассказу самого Льва, как предположил еще Д. Бьюри. Поэтому она вызывает постоянный интерес исследователей, однако лишь немногие из них пытались уточнить хронологические рамки этой миссии: большинство их считает ими 705–711 гг. — второе правление Юстиниана II. Лишь П. Канар считал необходимым вписать ее в рамки повествования Феофана и потому относил ее конец к 715 г. И. С. Чичуров подверг гипотезу П. Канара справедливой критике и предложил в качестве *terminus post quem* 707 г., так как после возвышения Льва в 705 г. он успел попасть в фавор к императору, подвергнуться обвинениям в заговоре и впасть в немилость, на что должно было уйти 2–3 года.

Но все исследователи упустили еще один хронологический репер, позволяющий уточнить дату миссии — упоминание армян. Лишь Б. Мартен-Изар верно связала армян, осаждавших, согласно Феофану, вместе с византийцами Археополь (Цихегоджи-Нокалакеви), со свидетельством Гевонда («История халифов», 6) о том, что армянский куропалат Смбат Багратуни после сожжения арабами армянских нахараров переселился со своими людьми в Пуйт, т. е. Фасис, в «странах егерских», т. е. в Эгриси-Лазике, и пробыл там 6 лет. Из Феофана мы знаем, что Фасис оставался единственной частью Лазики, не потерянной византийцами после 697 г.

Асохик датирует сожжение нахараров 153 г. армянской эры, т. е. 704–705 гг., однако указание Гевонда на то, что его инициировал халиф Валид I (705–715), заставляет отнести его именно к 705 г. Следовательно, Смбат ушел из Фасиса в 711 г. Согласно Феофану, один византийско-армянский отряд в 200 человек после неудачной осады Археополя двинулся на север, и находившийся в Алании Лев перешел к нему через Кавказский хребет. Вместе с ним Лев двинулся к морю и, встретившись по пути с владельцем крепости Сидирон Фарсманом, в переговорах с ним указывал, что тот находится в дружбе с армянами, — значит, в этот момент Смбат еще находился в Лазике.

Поход Льва не может датироваться 711 г., так как он перешел Кавказский хребет, согласно Феофану, только в мае, а Смбат, согласно, Гевонду, разграбил Фасис

¹ В работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

и ушел из него уже на Пасху 711 г., которая приходилась на 12 апреля. Эту дату подтверждает и указание Гевонда на то, что Смбат вернулся домой по приглашению нового армянского наместника, который, действительно, был послан в Армению в 709–710 гг. Следовательно, возвращение Льва на побережье Черного моря (а затем — и в Константинополь) следует датировать временем до конца 710 г.

Если же уточнять время аланской миссии Льва внутри периода 705–710 гг., то следует принять во внимание три обстоятельства. Во-первых, это справедливое замечание И. С. Чичурова о том, что между возвращением Юстиниана II и началом миссии Льва у Феофана упомянуто несколько событий, которые должны были занять, скорее всего, больше одного года. Во-вторых, несмотря на уверенность многих исследователей в том, что Лев провел у алан несколько лет, у самого Феофана об этом нет ни слова, хотя такое указание, усугублявшее тяжесть положения Льва, ожидалось бы. Наконец, уход Смбата из Фасиса можно связать не только с приглашением нового арабского наместника, но и с военной неудачей византийцев, в которых он надеялся найти союзников против арабов. Кроме того, и сам поход византийцев на Археополь логично связать с благоприятной ситуацией при смене арабского наместника Армении, когда новый наместник еще не успел прибыть на место. В таком случае, всю миссию Льва следовало бы отнести к 709–710 гг.

Н. В. ГИНЫКУТ

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Украина)

МОНОГРАММЫ НА ПОЛИВНОЙ ПОСУДЕ МЕСТНОГО ПРОИЗВОДСТВА ИЗ РАСКОПОК КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО И БЛИЗЛЕЖАЩЕЙ ОКРУГИ

Поливная посуда поздневизантийского периода, как наиболее массовый археологический материал, отличается разнообразием форм и декора. Для XIV–XV столетий это связано, прежде всего, с активным развитием морской торговли, экономики и ремесел городских центров, а как следствие — появлением местного (локального) производства подражательной керамики. Среди огромного разнообразия сюжетов исследователи поливной керамики всегда выделяют группы с выгравированными под глазурью монограммами, отдельными буквами или надписями. Подобная техника получает свое развитие в Византии и пограничных с нею территориях в палеологовский период. Количество такой посуды в Причерноморских центрах достаточно велико. Однако исследователи данного вопроса, обращаясь в основном к расшифровке монограмм и надписей, как правило, не уделяют внимание происхождению самой керамики в контексте импортного (византийского) или локального (местного) производства сосудов.

Коллекция сосудов с монограммами из крепости Чембало и ее округа многочисленна и разнообразна. В ней можно выделить группу импортов (в основном

с монограммами «Михаил», «Димитрий» «Пал» и др.), связанных с именами святых и очевидно имеющих культовую направленность. Также определяется и группа керамики локального производства (различных центров Таврики, в том числе и крепости Чембало). Это группа отличается от импортной не только большим разнообразием форм (чашки-кубки для питья, чаши, тарелки), но и самими надписями (монограммы, отдельные буквы, надписи), которые носят как культовый, так и светский характер.

Применение подобной техники гравировки сосудов на местной керамике было связано, прежде с популярностью и модой на столичные византийские образцы (Константинополь, Фессалоники), а также многовековым влиянием византийской культуры в этом регионе, несмотря на присутствие и огромную роль в этот период в регионе итальянских (генуэзских) колонистов.

И. А. ДРУЖИНИНА
Институт археологии РАН
(Москва, Россия)

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ СВАТИЛИЩА РЕКОМ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНО-КАВКАЗСКИХ СВЯЗЕЙ НА РУБЕЖЕ XIII/XIV ВВ.

Сватилище Реком — один из интереснейших памятников Северной Осетии. Построено оно, по всей видимости, в начале XIV в., на землях, принадлежавших могущественному аланскому роду Царазонта. Фольклорная традиция прочно соотносит Реком с именем легендарного Ос-Багатара, который «считается величайшим героем и даже родоначальником всего племени (осетин — *И. Д.*)» (В. Б. Пфаф).

Научный интерес к Рекому не ослабевает вот уже более двух веков. С его изучением связаны имена В. С. Толстого, П. С. Уваровой, В. Ф. Миллера, Б. А. Калоева, Е. Г. Пчелиной и др. Самым обстоятельным исследованием этого памятника является монография В. А. Кузнецова, в которой автор из всех известных в истории Осетии Ос-Багатаров связывает Реком с одним из последних царевичей Алании, чьи деяния запечатлены в Анонимном хронографе XIV в. Дата рождения его неизвестна, предположительно — 1260-е гг.; дата смерти — 1306 г. (по В. А. Кузнецову) или 1307 г. (по Г. В. Цулая). Согласно источнику, «мтавар Бакатар», бывший в числе северокавказских алан, занимавших антиордынскую позицию и вынужденных мигрировать после 1263 г. на территорию подчиненной Хулагуидам Грузии, сыграл заметную роль в хулагуидско-джучидской борьбе за Закавказье. Ос-Багатар выступил на стороне монгольского нойона Газана в его опустошительном походе против царя Давида VIII. Пользуясь покровительством Хулагуидов, а также поражением и ослаблением Давида VIII, Ос-Багатар проводил военные акции против ряда грузинских княжеств, расширил захваченные аланами территории

на южном склоне Кавказского хребта, и обеспечил тем самым переселение значительной части алан, теснимых Джучидами, в предгорья Картли, чем и заслужил благодарное признание своего народа.

Согласно предположению В. А. Кузнецова, Ос-Багатар происходил из рода Царазонта, а потому он был похоронен на родовом кладбище в Нузале, в склепообразной церкви, предназначенной для захоронения наиболее выдающихся представителей Царазонта. Затем, в крупнейшее святилище рода — Реком, воздвигнутое в честь покровителя воинов Уастырджи (Св. Георгия), из Нузальской церкви в качестве «мысайнагта» — дара святому патрону, переносятся доспехи и оружие Ос-Багатара, получившие статус всеаланских реликвий.

Одним из весомых аргументов в пользу версии В. А. Кузнецова могло бы стать хронологическое и «статусное» соответствие предметов воинской экипировки из Рекома. Действительно, среди тысяч находок — ритуальных приношений — был выявлен ряд престижных предметов вооружения, которые фольклорная традиция связывала с Ос-Багатаром. Их описания оставлены посещавшими Реком исследователями, самое раннее из которых относится к XVIII в. Следует заметить, что перечень этих находок весьма разнится от сообщения к сообщению. Так, В. С. Толстой, осмотревший памятник в 1847 г., называет «круглый остроконечный стальной шпашак, со стальною полоскою, опускающейся перед лицом и с назатыльником из кольчуги»; В. Б. Пфаф, побывавший в Рекоме в 1869 г, упоминает «шлем, колчан и копье Особагатара»; в сообщении автора Н. С. от 1892 г. перечислены «высокий и тяжелый стальной шлем с забралом и частью назатыльника из мелкой кольчуги», «пара стальных наручников», часть «панциря из мелкой кольчуги», «кожаный колчан, набитый стрелами» и «железный пернач».

Вплоть до последнего времени из обобщенного списка утраченных находок в распоряжении исследователей находились лишь два рисунка шлема, выполненные В. Б. Пфафом и А. А. Миллером и, в свою очередь, довольно отличающихся друг от друга. Исследованию этих источников посвящено большое количество работ, что избавляет нас от необходимости вдаваться в подробное изучение предмета. На основе сравнительного анализа рисунка В. Б. Пфафа и изображений шлемов на тебризских миниатюрах второй четверти — середины XIV в. М. В. Горелик связал происхождение шлема Ос-Багатара с Северо-Западным Ираном. Е. И. Нарожный, отдав предпочтение рисунку А. А. Миллера, также остановился на ирано-хулагуидской атрибуции находки из Рекома. Принимая во внимание сведения Анонимного хронографа XIV в., согласно которым Ос-Багатар действовал в интересах Хулагуидов, выявленный в Рекоме шлем можно рассматривать в качестве награды за службу или высокого дара.

Недавно версия об отождествлении комплекса престижного вооружения из Рекома с Ос-Багатаром Анонимного хронографа получила еще одно подтверждение.

В 2010 г. во время работы с коллекциями Государственного исторического музея наше внимание привлек шестопер, в описи о месте находки которого значится: «Терская обл., Владикавказский окр., святилище Реком. Из собрания

Уваровой П. С.». Напомним, в заметке автора Н. С. «В Осетии. Цейское ущелье» за 1892 г. содержится перечень обнаруженных им в Рекоме предметов, среди которых был «железный пернач с массивною шишкою на одном конце и с шестью симметрическими выступам под шишкою, расположенными по массивному цилиндру; продолжением цилиндра служит тонкий длинный стержень; длина всего пернача около $\frac{3}{4}$ арш.». Шестопёр из ГИМа — железный, сверху покрыт тонким слоем белого металла: производилось плакирование или лужение предмета. Описанию «железного пернача» автора Н. С. не соответствует отсутствие на музейном предмете венчающей «массивной шишки». Аналогии рекомовскому навершию позволяют его датировать XIII–XV вв. Подобные навершия хорошо известны и по тебризским миниатюрам XIV в.

В решении вопроса о месте происхождения предмета большое значение имеет анализ стилистических особенностей выгравированных на нем орнаментальных изображений. На каждой грани шестопера с обеих сторон изображен кошачий хищник, по всей видимости, лев. Он изображен стоя, с поднятой передней лапой, обращенной к голове. На каждой из шести граней с одной стороны зверь развернут корпусом влево, с другой стороны — вправо. На всех 12 изображениях голова хищника повернута в фас. Общий абрис головы — формы перевернутой трапеции. Глаза обозначены кружками, линия рта — двумя сходящимися дугами, одной линией, в некоторых случаях ломаной, намечен нос животного, на нескольких изображениях заметны линии ушей. Хвост высоко поднят, S-образной формы, на конце его небольшое утолщение. Изображения льва довольно условны, непропорциональны. Подобные изображения находят широчайший круг ближневосточных аналогий на керамике, стекле, предметах торевтики и архитектурных деталях. Поверхность втулки шестопера между гранями также орнаментирована. Точных аналогий узору, представляющему собой стилизованный побег или лозу, найти не удалось, но, как представляется, он входит в круг постсельджукских ближневосточных элементов орнамента.

В настоящее время шестопер из Рекома, находящийся на хранении в ГИМе, является единственной сохранившейся находкой, которую с большой долей уверенности можно отнести к комплексу престижных предметов вооружения, связываемых с известным историческим персонажем рубежа XIII/XIV вв., выдающимся военачальником и политическим деятелем Ос-Багатаром.

А. А. ЕВДОКИМОВА
Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)

**АКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ПАПИРУСЫ В КОЛЛЕКЦИЯХ
DUKE PAPYRUS ARCHIVE, HOUGHTON LIBRARY
HARVARD UNIVERSITY И TEBTUNIS PAPYRI**

Duke papyrus archive насчитывает 1400 папирусов в своей коллекции на разных языках. Среди греческой части около 35 папирусов содержит в тексте знаки акцентуации. В основном, это литературные, библейские папирусы и документальный папирус, письмо. Эпос представлен 3 фрагментами из Гомера: два из Илиады (1, 528–540, 8, 3–12), один из Одиссеи (11, 210–214) и папирусом со схолиями, упоминающими Аргос, Трои и Елену. Прозаические тексты: первый, датированный III в. н. э., второй (из Фаюма) — II в. н. э., третий (философский), возможно, фрагмент диатрибы, две кинические диатрибы, одна из которых посвящена теме дружбы в жизни Александра Великого, вторая содержит ряд лексических знаков, включая антистигму и дипл. Также акцентные знаки содержатся во фрагменте из Левкиппы и Клитофона (3, 17–25) Ахилла Татия и в отрывке из учебника магии, содержащего ряд заклинаний из области любовной магии. Религиозные тексты распределились следующим образом: два литургических текста, один из которых, вероятно, часть службы венчания, литургический гимн (канон), посвященный Богородице, библейский комментарий с цитатами из первых (XV, 20–21) и вторых (III, 18) Коринфян, фрагмент жития со страстями, LXX псалом (88, 4–8) со знаками препинания по рукописи В.

Традиционно в некоторых из перечисленных папирусов встречаются сокращения и трема над «υ» и «ι». Спорадически встречающиеся знаки на некоторых словах, придыхание, акут, но без системы.

В коллекции Houghton Library Harvard University всего 84 папируса, в основном, из Оксирина. Из них около 20 содержит акцентные знаки: три официальных документа, счета на имя Зоила и Стратона, I в. н. э. два с фрагментами Панегириков Исократа. Остальные тексты поэтические: шесть папирусов с текстом Илиады, один со схолиями к ней же, гекзаметрический фрагмент из Гесиода, два ямбических фрагмента, один из которых явно комический, приписывается Менандру и датируется примерно 75–125 гг., а также две эпических поэмы, одна из которых написана гекзаметром.

Как и в предыдущей коллекции самые частотные знаки сокращения и трема над «υ» и «ι». Спорадически встречаются знаки на некоторых словах, придыхание, акут, но без системы. В одном из фрагментов Илиады наблюдается последовательный сдвиг вправо акута, а в предпоследней строке влево. Два фрагмента из Гомера (MS GR SM4373, MS GR SM3753) и гекзаметрическая поэма являют

собой классический пример александрийской системы акцентуации, в том числе с ударением на безударных слогах в словах, допускающих вариативное понимание и членение. В Менандре некоторые слоги в ряде слов маркируются особым знаком, функции которого будут подробно рассмотрены в докладе.

В коллекции Tebtunis Раругі, в основном, акценты встречаются в литературных текстах. Наблюдается в поэтических фрагментах следование александрийской системе акцентуации, а в прозаических используется, в основном, трема, а остальные знаки пишутся спорадически и бессистемно.

Более подробный разбор наиболее интересных акцентуированных папирусов из этих коллекций будет представлен в докладе.

И. ЙОРДАНОВ

Археологически институт БАН
(Шумен, България)

ПЕЧАТ НА НЕИЗВЕСТЕН СТРАТЕГ НА ТРАКИЯ И ЙОАНОПОЛ (70–80 г. НА Х В.)

През 2009 г. завърши проктът «Корпус на византийските печати от България» чрез публикуването на три тома на английски език (Jordanov, 2003; Jordanov, 2006; Jordanov, 2009). В тези томове бяха публикувани почти всички византийски печати, намерени на територията на днешна България около 3200 на брой.

Както можеше и да се очаква намирането на нови византийски печати от територията на съвременна България продължи. През изминалия двугодишен период бяха издирени и документирани близо 100 нови екземпляра (Jordanov, 2011).

Сред тях и този на Исаак императорски протоспатарий и стратег на Тракия и Йоанопол. Намрен е бил в Поморие, откъдето произхождат други близо сто екз. (Йорданов, 2010).

Отпечатъкът е добре центриран и отлично съхранен. Размери: диам. на ядрото 25–26 мм, тегло 13.44 г. Обр.1.

Лице. Двойно пресечен патриаршески кръст върху постамент от три стъпала. От основата му излизат растителни повлещи, които достигат до второто рамо на кръста. Около изображението кръгов надпис, който започва долу вдясно:

+K.ΡΟΝΘΕΤΩCΩΔΟΝC –

Опако: Шест редов надпис:

+ICAKIC | P CACΠAΘC | CTPATC | ΘPAKHCC | I.ANOC | OΛ.OC

+K(ύρι)ε βοήθ(ει) τῷ σῶ δού(λω) Ἰσακί(ω) β'(πρωτο)σπαθ(αρίω) (καὶ) στρατ(ηγῶ) Θράκης (καὶ) Ἰωανο(υ)πόλεος.

Стратег на Тракия и Йоанопол с това име е неизвестен. Известни са обаче печати на личност със същото име и изображение на лицевата страна, заемало последователно длъжността стратег на различни административни единици на Балканите.

1. Ἰσαάκιος β' πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Δρουγουνβιτείας (70-те г. на X в.)

Засвидетелствуван чрез 6 екземпляра, намерени предимно в Преслав и отпечатани чрез един и същи булотирирон (Jordanov, 2009, nos. 1180-1185).

За пръв път стратег на Другувития е посочен в Ескуриалската тактика (975 г.) (Oikonomides, 1972, p. 267⁶, 357-358) и това ни дава основание да приемем, че тя ще е бил създадена след първите завоевания на византийците през 971-972 г. Навярно Исаак ще е бил един от първите и стратегии.

2. Ἰσαάκιος β' πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Θράκης (70 г. на X в.)

Засвидетелствуван чрез три екземпляра, намерени в Преслав и отпечатани чрез един и същи булотирирон (Jordanov, 2009, nos. 1235-1237).

Исаак ще е бил назначен за стратег на Тракия след Другувития. Навярно по това време (преди 975 г.) обединението Тракия и Йоанопол все още не е съществувало. Трудно бихме приели едновременното съществуване на Тракия от една страна и Тракия и Йоанопол, от друга. След учредяването на Тракия и Йоанопол в 975 г. Исаак ще е бил преназначен за стратег на това обединение.

3. Ἰσαάκιος πατρίκιος καὶ στρατηγὸς Μακεδονίας (70-80-те гг. на X в.)

Засвидетелствуван чрез един-единствен екземпляр, намерен в Преслав (Jordanov, 2009, nr. 1327).

Ако приемем, че този печат е принадлежал на същия Исаак то той е бил повишен в титул – патриций и назначен за стратег на една от важните теми Македония. Това назначение ще е било реализирано след длъжността стратег на Тракия и Йоанопол.

4. Ἰσαάκιος ἀνθύπατος, πατρίκιος καὶ κόμης τοῦ σταύλου (80 г. на X в.)

Засвидетелствуван чрез един-единствен екземпляр, намерен в Преслав (Jordanov, 2009, nr. 1057).

Ако приемем, че тези 4 групи печати са на едно и също лице, то той има кариера свързана с управлението на съседни теми и след значителен престой в провинцията е повишен в титул антипат и назначен на служба в Двореца, където заема една все пак почетна длъжност – началник на императорската конюшня (Oikonomides, 1972, p. 338-339).

Интересно е, че Исаак им сходна кариера с тази на един друг титуляр на Тракия и Йоанопол, засвидетелствуван единствено чрез печатите си – Леон Саракинопол. Ето накратко неговият *cursus honorum* (Jordanov, 2006, p. 638):

а) β' πρωτοσπαθάριος καὶ δομέστικος τῶν ἱκανάτων τῆς Δύσεως (?-971);

б) β' πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Δοροστόλου (971-?);

в) β' πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Ἰωαννουπόλεως καὶ Δοροστόλου (преди 975);

г) β' πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Θράκης καὶ Ἰωαννουπόλεως (след 975-?);

д) πατρίκιος καὶ κόμης τοῦ σταύλου (80 г. на XI в.);

е) πατρίκιος, κόμης τοῦ σταύλου καὶ πρωτοστράτωρ (80 г. на X в. преди 986);

Лъв Саракинопул идва на Балканите като domestik на западните хиканати, след превземането на Дръстър е назначен за стратег на Доростол (971 г.). Впоследствие след формирането на обединението Йоанопол и Доростол е назначен за негов пръв и навярно последен стратег (972-975). По-късно след учредяване на новото административно и военно обединение Тракия и Йоанпол, той е негов стратег за значителен период от време, тъй като са документирани негови 9 печата, отпечатани най-малкото чрез 4 булотириона. След продължителна и навярно активна служба в провинцията на Балканите, той е повишен в титула патриций и се оттеглил на служба в Двореца, където подобно на Исаак заема почетната длъжност – началник на императорската конюшня, преди или след Исаак.

До разкриване на архива на стратегията в Преслав, обединението Тракия и Йоанпол бе засвидетелствувано единствено в Ескуриалскат тактика (Oikonomides, 1972, p. 265, 338).

Тя отразява византийската администрация – централна и провинциално – след завладяването на Източна България от византийците. Промените в провинциалната администрация на Балканите са свързани със новите завоевания. Там са представени стратегии на български градове и области: Йоанопол (Преслав), Дристра (Силистра) Берое (Стара Загора), Другувтия и Западна Месопотамия.

Заедно с това се наблюдават и някои промени в традиционните стари византийски теми. Така например тема Тракия не представена, вместо нея фигурира административното обединение Тракия и Йоанопол. Вместо тема Македония имаме дук на Адрианопол.

Ескуриалската тактика, наречена на името на издателят и, тактиката на Икономидис, е датирана от първоиздателя си в периода 971-975 г. (Oikonomides, 1972, p. 258-261). На практика обаче тя отразява реалностите (списъка на титли и длъжности) в точно определен момент, а не за период от време. Този момент е 975 г. Заедно с това в архива на стратега на Преслав бяха намерени печати на административни единици, които са учредени след завладяването на Преслав от византийците. Те обаче не фигурират в тактиката на Икономидис. Стратези на Йоанопол (Jordanov, 2006, 38.1-2), на Йоанопол и Доростол (Jordanov, 2006, 38A.3), катепан на Теодоропол (Jordanov, 2006, 33.1), дук на Тракия и Месопотамия (Jordanov, 2006, 35A.14) и пр., което ще рече, че те са от един първи етап във византийската администрация на завладените български земи, който етап не е отразен в тактиката на Икономидис. Следователно учредяването на тема Тракия и Йоанопол ще е било около 975 г.

Известни са четири или пет стратегии на Тракия и Йоанопол (см.: Jordanov, 2009, nos. 1250-1269):

1. Λέων Σαρακινόπουλος β' πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Θράκης καὶ Ἰωαννουπόλεως (975- ?).

2. Θεοφάνης β' πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Θράκης καὶ Ἰωαννουπόλεως (70-80 г. на X в.).

3. Σταυράκιος β' πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Θράκης καὶ Ἰωαννουπόλεως (70-80 гг. на X в.).

4. Νικηφόρος Ξιφίας β' πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Θράκης καὶ Ἰωαννουπόλεως (?-986).

5. Ἀδράλεστος β' πρωτοσπαθάριος καὶ ἐκ προσώπου Θράκης καὶ Ἰωαννουπόλεως (последна четвърт на X в.).

Към тях сега добавяме и настоящият печат:

Ἰσαάκιος β' πρωτοσπαθάριος καὶ στρατηγὸς Θράκης καὶ Ἰωαννουπόλεως (?-975 г.)

Ако приемем, че Тракия и Йоанопол е учредена някъде около 975 г., то четирите или пет титуляра, които са ни известни, биха покрили един период от десетина и повече години, при което ликвидирането и ще е станало в 986 г., след катастрофата при Траянови врата. Никифор Ксифия ще е бил нейният последен стратег.

Но да се върнем към Исаак. По време на завладяването на Източна България и столицата Преслав, той е участвувал в похода като стратег на Другувития. В това си качество той е изпратил в Преслав най-малкото 6 кореспонденции на някакъв координиращ орган или висшестоящи. След завършване на похода е бил назначен за стратег на Тракия. Впоследствие след присъединяване към Тракия на Йоанопол е титуляр на това обединение, по-късно повишен в титул патриций е стратег на Македония и т.н.

Намирането на печатът му като стратег на Тракия и Йоанопол в Анхиало не бива да ни изненадва – Анхиало е подвластна територия на стратега Йсаак. Обединението включва страта тема Тракия чиято граница е разширена на Север и Йоанопол – символ на новозавладените български земи в Североизточна България.

Библиография:

Йорданов И. Анхиало според данните на сфрагистиката (VI-XII в.) // Bulgaria Mediaevalis 1, - Sofia, 2010: 325-381.

Jordanov I. Corpus of the Byzantine Seals from Bulgaria, volume 1: The Byzantine Seals with Geographical Names. - Sofia, 2003.

Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria, Volume 2: Seals with Family Names. - Sofia, 2006.

Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria, Volume 3 (1-2). - Sofia, 2009.

Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Volume 1-3, Sofia, 2003, 2006, 2009. Addenda et Corrigenda // Нумизматика, сфрагистика и епиграфика 7 – София, 2011: 189-228.

Oikonomides N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. – Paris, 1972.

М. А. КУРЫШЕВА
Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

ВИЗАНТИЙСКАЯ АСТРОЛОГИЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ XII В.

Среди греческих рукописей Государственного Исторического музея в Москве находится уникальный кодекс, содержащий древнейшие сохранившиеся астрологические тексты, — *Влад. 430* (Син. греч. 186). В описаниях собрания — *Каталоге* архимандрита Владимира (1894) и в *Дополнениях* Ф. Б. Полякова, Б. Л. Фонкича (1993) — рукопись датируется XII в. В 1655 г. она была привезена Арсением Сухановым из Дионисиева монастыря на Афоне. Этот пергаменный кодекс состоит из 168 листов. По содержанию это сборник различных отрывков из творений Иоанна Златоуста, Афанасия Великого, Григория Богослова, Василия Великого, св. Нила, св. Максима Исповедника и др., а также выдержек из Священного Писания, статей об именах Апостолов и числе глав в Евангелиях, объяснение аллегорического значения некоторых евангельских изречений и т. п.

На лл. 143–162 и 166 об.-168 кодекса находятся астрологические тексты о циклах солнца и луны, о соответствии знаков зодиака отдельным месяцам, о свойствах характера родившихся под теми или иными знаками зодиака, о способе определения победителей «по Пифагору», об обнаружении пропажи, о поиске беглеца с помощью гороскопа, о путешествиях, о положении звезд, о болезнях, родившихся под разными знаками зодиака, о значении положения планет при поисках клада, о благоприятных и неблагоприятных часах недели, о разделении года на месяцы, недели и дни, о способах вычислять индикт и т. п.

На листах с астрологическими текстами наблюдается большое количество следов использования — многочисленные пометы читателей XII–XIV вв. на полях, рисунки зодиакальных знаков и креста, даты, расчеты и отдельные цифры.

Первый исследователь и издатель этих астрологических текстов — русский византист М. А. Шангин. Он работал в рамках глобального международного научного проекта, который предполагал многотомную публикацию каталогов греческих астрологических рукописей европейских рукописных собраний. Советской «Академической комиссией по истории знаний» М. А. Шангину было поручено подготовить XII том издания *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum*, посвященный отечественным собраниям. Том увидел свет в Брюсселе в 1936 г. и включил в себя описания и издание неизвестных астрологических текстов, содержащихся в греческих рукописях из русских собраний. В своем отчете о командировке в Москву и Киев 1930 г. [см. об этом: *Гукова С. Н.* М. А. Шангин: жизнь и творчество // *Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга* / под. ред. И. П. Медведева. — СПб., 1999, с. 502–505] и в автореферате XII тома *Каталога* [см.: ВДИ. — 1939, № 1 (6), с. 181], М. А. Шангин особо

отметил рассматриваемую московскую рукопись как древнейшую и датировал ее XI–XII вв. Работа ученого была высоко оценена издателем *CSAG* Ф. Кюмоном, а также одним из авторитетнейших специалистов в этой области — А. Делаттом.

Проведенный нами анализ палеографии и кодикологии, а также изучение особенностей иллюминации (заставки, инициалы, «виньетки») московской рукописи *Влад. 430* (Син. греч. 186) позволяют датировать ее серединой — второй половиной XII в. и локализовать место ее изготовления в Южной Италии. Именно в этом регионе арабо-греко-латинского культурного синтеза и происходил обмен астрологическими знаниями между тремя цивилизациями. Маргиналии рукописи показывают исключительную популярность именно астрологических сюжетов в среде хранивших и читавших ее византийских монахов XII–XIV вв.

Т. В. КУЩ

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

УЗНИКИ БАШНИ АНЕМА²

В Византии существовали разные способы наказания за политические преступления: смертная казнь, нанесение увечий, ссылка, тюремное заключение и пр. Многие варианты (не считая убийства и членовредительства) предполагали полную изоляцию человека от общества, равную политической смерти. Что бы ни служило местом заточения — башня, тюремная камера или монастырская келья, в Средние века это было не столько пенитенциарным заведением, призванным воздействовать на «душу» человека и заставить его покаяться, сколько средством наказания «тела».

Из всех средств расправы с политическими врагами особенно распространенным в Византии было заключение под стражу. Источники пестрят сообщениями о случаях тюремного заточения участников политической борьбы или междоусобных конфликтов. Истории одной византийской политической тюрьмы — башни Анема — и посвящен данный доклад. История этой темницы, рассмотренная через судьбы ее заключенных, позволяет высветить некоторые особенности политической культуры и специфику репрессивной системы Византии.

Башня Анема (ὁ πύργος τοῦ Ἀνεμᾶ) входила в оборонительную систему Константинополя и являлась частью крепостной стены, которая защищала XIV квартал, расположенный на северо-востоке столицы. Вероятно, она была построена при Алексее I Комнине, хотя вопрос о времени ее возведения остается открытым. Внутренние помещения в нижней части башни и стали тюрьмой, где содержали знатных политических заключенных.

² Тезисы подготовлены при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК 02.740.11.0578).

Тюрьма получила свое название во времена Алексея I Комнина по имени одного из ее первых узников — мятежного полководца Михаила Анемы, принадлежавшего к военной аристократии. Он возглавил заговор против императора в 1105 г., за что и оказался в застенках башни, ставшей с тех пор называться по его имени — Анемой.

Вскоре туда же был брошен и другой заговорщик — Григорий Таронит. По сообщению Анны Комниной, «еще не освободили из тюрьмы Михаила, как в Анемскую тюрьму был доставлен Григорий». Дука Трапезунда, он поднял мятеж против императора, но спустя два года был схвачен и доставлен в Константинополь. Его ждало то же наказание, что и Михаила Анему: его остригли наголо, обрили бороду и провели через город, а затем заточили в Анемскую башню. Вероятно, для Григория Таронита был определен какой-то срок заточения, а условия заключения не отличались строгостью. В конце концов Григорий Таронит был прощен василевсом и облагодетельствован новыми должностями и пожалованиями.

Следующим именованным узником башни оказался свергнутый в 1185 г. Исааком II Ангелом император Андроник I Комнин. С Анемой связана заключительная часть жизненной драмы Андроника. Башня стала для него, лишь временным пристанищем перед жестокой расправой, о которой подробно повествует Никита Хониат.

Другой, Хартофилак Иоанн XI Векк, будущий патриарх, весной 1273 г. был брошен в тюрьму за сопротивление Лионской унии. Анема стала тем средством, с помощью которого Иоанна Векка, противившегося униатским намерениям василевса, не просто на время вывели из «большой игры», но смогли превратить из непримиримого противника в проводника императорской политики.

В начале XIV в. в этот застенок попал военачальник Сиргианн Палеолог Филантропин Комнин. Сиргианн оказался в башне Анема в 1322 г., где ему позволили жить вместе с женой и детьми. Позже Сиргианна освободили (после того, как он письменно поклялся «ничего не замышлять против василевса»), и он вернулся в большую политику. Анема вновь оказалась средством политического отрезвления интригана, стремившегося к узурпации власти.

В период междоусобиц 70-х гг. XIV в., башня Анема в разное время была местом заточения всех основных участников внутрдинастического конфликта. Сперва в ее камере оказался вместе со своей семьей Андроник IV Палеолог. Но после бегства из-под стражи Андроник IV при помощи генуэзцев захватил столицу и упрятал в ту же темницу своего отца — императора Иоанна V и своих братьев Мануила и Феодора. Они провели там под стражей три года. Несмотря на то, что темница, в описании Мануила, была «больше похожа на могилу», он, по собственному признанию, имел там возможность заниматься науками, читать книги и писать. После побега из тюрьмы и возвращения к власти Иоанн V Палеолог велел, по сообщению испанского путешественника Руи Гонсалеса де Клавихо, разрушить башню, напомилавшую ему о его заточении.

Из историй узников Анема следует, что эта темница отнюдь не была «башней забвения» — ни один из ее заключенных не провел там всю свою жизнь до конца.

Скорее она была местом временного содержания, способом временной изоляции политического противника и, в каком-то смысле, его перевоспитания. Да и условия в ней отличались от тюремных в лучшую сторону. Анема была политической тюрьмой, вовсе не исключавшей для ее узника возможности не только выйти на свободу, но вернуться на политический олимп.

В. В. МАЙКО

Крымский филиал Института археологии НАНУ
(Симферополь, Украина)

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ X–XII ВВ. В СИСТЕМЕ ПРОВИНЦИАЛЬНО-ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТАВРИКИ

Материальная культура юго-восточного Крыма средневизантийского времени по сравнению с византийским Херсоном и памятниками южного берега полуострова, изучена намного слабее. Тем не менее, можно попытаться подвести некоторые итоги, позволяющие представить ее место в провинциально-византийской культуре Крыма данного периода.

Нижняя ее хронологическая граница непосредственно связана со временем окончательной гибели салтово-маяцких памятников этой части полуострова. Вероятнее всего, появляется она не раньше середины X в. Верхняя хронологическая граница совпадает с датой распада Византийской империи после захвата Константинополя крестоносцами и прекращением существования Тмутараканского княжества. В связи с этим, в первой половине XIII в. материальная культура юго-восточного Крыма, как и всего полуострова, претерпевает существенные изменения.

В Сугдее и на Боспоре во второй половине X–XII вв. территория городища расширяется. Возводятся постройки, представляющие собой в основном двухэтажные сооружения, неизвестные в предшествующий период. Застройка, на участках, где это позволял рельеф местности, приобретает четко спланированную квартальную планировку. В этом обнаруживаются несомненные общие черты и с планировкой городских кварталов Херсона. Однако с уверенностью говорить о существовании здесь городских кварталов херсонского типа, ядром которого являлись жилые усадьбы с хозяйственными сооружениями пока рано. Характерным отличием культовых сооружений, кроме храма Иоанна Предтечи в Керчи, является то, что это не хорошо известные квартальные часовни Херсона, а храмы, вокруг которых располагались некрополи, в том числе и городские. Общие черты наблюдаются только в размерах построек. Предшествующая система фортификации использовалась в данный период практически в полном объеме. Однако везде отмечены следы серьезных ремонтов, перестроек, строительства оборонительных башен, произведенных, по сравнению с предшествующим периодом, хаотически и поспешно, часто с нарушением принципов византийской фортификации. Совершенно аналогичные процессы зафиксированы и в Херсоне. Несомненным новше-

ством в городской инфраструктуре, как Сугдеи, так и Алустона и Херсона является возникновение крупных общегородских зольников, расположенных с внешней стороны крепостных стен. Какие они выполняли функции, сказать сложно.

Отличие погребального обряда заключается в появлении и небывалом развитии традиции коллективных погребений с повторным проникновением в могилу. При этом происходило частичное или полное нарушение анатомического порядка предшествующих или последующих захороненных. В костницы превращаются и каменные склепы предшествующего времени. Видимо главной причиной являлся факт увеличения численности жителей городов. Отличием погребального обряда является присутствие могил, связанных с кочевническим этносом.

Материальная культура юго-восточного Крыма в данный хронологический период постепенно становится единой для всего полуострова. Тарная керамика является типичной для большинства провинциально-византийских памятников Причерноморья и Средиземноморья. Некоторое своеобразие придает ей только наличие большого процента высокогорлых кувшинов с ленточными ручками. Кухонная и столовая белоглиняная поливная посуда так же типична для городских и сельских центров византийской ойкумены. Несомненным отличием является набор столовой лощеной посуды. Только он и позволяет предварительно ставить вопрос об этнических особенностях населения этого региона Таврики в средне-византийский период. О неоднородном его составе свидетельствуют и отдельные лепные сосуды кочевнического облика. Характерным отличием является почти полное отсутствие предметов вооружения и конского снаряжения; беден набор сельскохозяйственных орудий труда. Напротив, набор бытовых изделий, предметов связанных с функционированием порта богат и разнообразен. Он имеет многочисленные аналогии в культуре приморских провинциально-византийских городов империи. Те же тенденции демонстрирует и материальная культура Херсона. Анализ украшений и элементов костюма свидетельствует о том, что их ассортимент и разнообразие диктовались требованием моды средне-византийского периода. Значительной составляющей материальной культуры, в отличие от предшествующей, являлись предметы мелкой византийской пластики. Особую категорию среди них, как и по всей империи, составляли предметы христианского культа.

Таким образом, материальную культуру юго-восточного Крыма X–XII вв. можно рассматривать как один из вариантов провинциально-византийской культуры Таврики. Специфика ее связана с географическим расположением этой части полуострова на границе Византии и Тмутараканского княжества.

А. С. МОХОВ

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

КРЕПОСТЬ ПЛАТЕЯ ПЕТРА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ³

В византийских источниках IX–XI вв. несколько раз упоминается крепость Платея Петра (Πλατεῖα πέτρα) в феме Фракисий. Вопрос о точном местоположении этого укрепленного пункта длительное время оставался дискуссионным (исследования Л. Робера, Э. Арвейлер, К. Фосса). В настоящее время Платея Петра достаточно уверенно отождествляется с небольшой крепостью на плато Шахан Кая (Şahan Kaya). В 6 км к западу от нее расположено селение Каяджик (Kayaçik), а в 22 км к востоку — город Акхисар (Akhisar), в византийское время — Фиатира.

Остатки оборонительных сооружений Платеи Петры находятся на вершине скального плато в южных отрогах хребта Симав. Максимальная высота плато достигает 590 м, его северный, восточный и западный склоны неприступны, подъем на вершину возможен по единственной дороге с южной стороны. Археологические исследования данного памятника проводились в 1980 г. Д. Салливаном. По мнению К. Фосса византийские укрепления Платеи Петры следует датировать VII–VIII вв. Американский исследователь связывает их строительство с арабскими нападениями на Смирну в 654 и 672/673 гг. Известно, что в это время разорению подверглась также равнинная часть Лидии (районы Магнесии у горы Сипил и Фиатиры).

Стратегического значения крепость Платея Петра не имела. Поблизости от нее не проходили значимые транспортные пути, не располагались крупные населенные пункты или важные хозяйственные объекты. Напротив, Πλατεῖα πέτρα находилась в малонаселенном районе Фракисия, вблизи с границей фемы Опсикий. Из источников следует, что она никогда не подвергалась длительной систематической осаде. О размещении здесь постоянного гарнизона или ремонте крепостных сооружений в IX–XI вв. сведений также не имеется. В итоге, труднодоступное горное укрепление превратилось в прибежище для людей, имевших основания скрываться от официальных властей.

Как надежное и безопасное укрытие Платея Петра упоминается в Житиях Петра из Атрои и Антония Нового. В первом из этих агиографических сочинений говорится о том, что после возобновления гонений на иконопочитателей при Льве V (813–820) многие монастыри в Вифинии были ликвидированы. Монахи, среди которых были Петр из Атрои и его младший брат Павел, спасаясь от преследований, постоянно переходили из одного безопасного места в другое. Среди прочих, они

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578

посетили небольшой монастырь в Платее Петре, игуменом которого являлся Афанасий Омологет. Данный эпизод Жития прп. Петра из Атрои датируется 816–820 гг.

Св. Антоний Новый (ок. 785 — ок. 864 гг.; до принятия монашества в 825 г. — Иоанн Ἰωάννης), по всей видимости, бывал в Платее Петре неоднократно. При Михаиле II (820–829) он служил в армии и занимал должность ἐκ προσώτου фемы Кивирреотов. После 825 г. Антоний вынужден был скрываться от властей, переходя из одного убежища в другое. В Житии прп. Антония Нового упоминается, что самые безопасные укрытия находились в горных районах Лидии. В конце жизни Антоний вновь посетил эти места, сопровождая патрикия и стратига Фракия Петрону. Известно, что Антоний предсказал младшему брату императрицы Феодоры «великую победу» над арабами (сражение при Посонте 3 сентября 863 г.), а сам удалился в «безопасное и отдаленное место» Πλατεῖα πέτρα, чтобы молиться за успех императорского войска.

В 60-е гг. IX в. монахи покинули Платею Петру. Крепость, по-прежнему лишенная постоянного гарнизона, становится с этих пор пристанищем для мятежников и разбойников. В 866/867 г. здесь пытался укрыться патрикий Симватий, зять кесаря Варды и бывший логофет дрома. Вместе с комитом Опсикия патриkiem Георгием Пиганом он поднял мятеж против Михаила III (842–867), но потерпел неудачу. Симватий был арестован в Платее Петре и доставлен в Константинополь. О каком-либо сопротивлении «царскому отряду» при захвате крепости источники не сообщают.

В правление Романа I Лакапина (920–944) в Платее Петре обосновались разбойники. Некий «Василий из Македонии», выдававший себя за погибшего в 913 г. доместика схол Константина Дуку, собрал крупный отряд, и превратил крепость в опорный пункт для набегов на соседние районы. Отправленные императором силы расправились с разбойниками без особого труда. В 932 г. Платея Петра была захвачена, а сам «Василий Медная рука» казнен в Константинополе.

Последнее упоминание о крепости Πλατεῖα πέτρα относится к 979–981 гг. Иоанн Скилица писал, что после бегства Варды Склира к арабам некоторые его сторонники обосновались во Фракиии. Лев Эхмалот, Христофор Эпикт и Варда Монг захватили несколько крепостей, среди которых были Платея Петра и Армакурион. Отсюда они стали совершать опустошительные набеги на окрестности Смирны. В 981 г. Василий II (976–1025) отправил во Фракиий патрикия Никифора Парсакутина, который сообщил мятежникам, что василевс их помиловал. Бывшие сторонники Склира вернулись после этого на императорскую службу.

В письменных источниках Платея Петра больше не упоминается, несмотря на то, что в конце XI — XII в. в районах Смирны, Магнесии и Пергама военные действия велись неоднократно. По всей видимости, это укрепление, как и многие другие византийские крепости во Фракиии, полностью утратило военное значение, и превратилось в укрытие для сельского населения во время набегов кочевников. Предположение Э. Арвейлер о том, что Πλατεῖα πέτρα входила в состав фемы Неокастра остается гипотетичным.

А. Е. МУСИН

Институт истории материальной культуры РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

МИТРОПОЛИТ КИЕВСКИЙ НИКИФОР (1104–1121): ВОЗМОЖНОСТИ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Биографии русских митрополитов-греков до их избрания на Киевскую кафедру обычно не находят отражения в исторических памятниках. Однако помимо непосредственных свидетельств существует возможность идентификации греческих иерархов на Руси с современными и соименными им деятелями Вселенского Патриархата.

В настоящее время мне представляется допустимым высказать гипотезу об отождествлении митрополита Киевского Никифора (1104–1121) и хартофилакса Великой Церкви диакона Никифора, упоминаемого источниками между 1081 и 1103 г. Митрополит провел на кафедре более 16 лет, обновив практически весь епископат. В последнее время интерес к его личности усилился в связи с изучением и публикациями пяти сохранившихся произведений (G. Podskalsky, A. Dölker, В. В. Мильков, Г. С. Баранкова, Тихон (Полянский)). Эти тексты свидетельствуют о высокой образованности автора, в котором предлагают увидеть «первого русского платоника». Мнение о происхождении Никифора из Суры Ликийской в Малой Азии и о первой попытке его поставления в митрополиты из половецких епископов в 1096 г. следует признать несостоятельным.

Диакон Никифор, бывший между 1081–1094 гг. хартофилаксом Святой Софии Константинопольской, также предстает перед нами как авторитетный и образованный богослов. В 1091–1103 гг. он состоял в переписке с архиепископом Охридским Феофилактом. Известны пять произведений диакона Никифора, ставшие в свое время предметом исследований и публикации (В. Н. Бенешевич, Н.-Г. Beck, V. Laurent, P. Gautier, С. Маслев).

Необходимо признать, что сравнительный анализ творческого наследия двух Никифоров не предлагает надежной основы для их отождествления. Одной из отличительных черт канонических взглядов диакона был высокий авторитет номоканона патриарха Иоанна Постника, который никак не отражен в посланиях митрополита, хотя здесь также рассматриваются вопросы поста и покаяния. Впрочем, непосредственное сопоставление посланий Никифора-диакона и Никифора-митрополита не представляется методологически корректным, поскольку они принадлежат к разным жанрам, имеют различные аудитории и преследуют различные цели. Определенную параллель такому различию представляют моливдулы митрополита и единственная сохранившаяся печать хартофилакса, хотя и принадлежащие к разным сфрагистическим типам и отражающие различную корпоративную принадлежность их владельцев.

О возможном знакомстве митрополита Никифора с архивом Великой Церкви могут свидетельствовать его антилатинские послания, которые, указывают на возможность самостоятельного обращения автора к посланию патриарха Михаила Керуллара Петру Антиохийскому 1054 г. Косвенным указанием на близость взглядов двух Никифров, является предположительное сходное отношение к проблемам монастырской жизни. Бывший хартофилакс выступал на независимость монастырей и, вне всякого сомнения, являлся противником харистикариата. Исторические источники не позволяют определенно судить об отношении митрополита Никифора к проблемам монашества, однако предлагаемая нами реконструкция конфликта 1130 г. между ставленником митрополита, новгородским епископом греком Иоанном Попианом (*Popianus*), и Рюриковичами позволяет предположить, что митрополит, как и епископ, мог быть противником наделения монашеских общин самостоятельными экономическими функциями, которое византийское духовенство на Руси неизбежно должно было сопоставлять с харистикариатом.

Таким образом, совпадение имен, удивительное преемство в датах церковной деятельности, донесенное до нас источниками, до 1103 г. упоминающими эксхартофилакса Никифора, а после 1104 г. — митрополита Никифора, допустимое сближение некоторых моментов творчества — все это позволяет допустить вероятность взаимной идентификации обоих Никифоров. Отметим, что известные канонические привилегии хартофилакс превращали их в идеальную кандидатуру на митрополию.

Возражение на настоящую гипотезу, основанное на том, что диакон Никифор перед епископской хиротонией должен был принять монашеский постриг и, следовательно, поменять имя, не может быть принято во внимание. Возведение в епископское достоинство, как в Византии, так и на Руси, предположительно, до XIV в. допускало принятие лишь «просхимы», что не предполагало перемену имени. К тому же, симпатии к монашеству, выраженные в посланиях Никифора, могут свидетельствовать о его изначальной принадлежности к иноческому чину.

В заключение отметим, что митрополита Никифора сменил на киевской кафедре в 1122 г. некто Никита, о котором источникам ничего неизвестно. Однако стоит вспомнить, что преемником Никифора на должности хартофилакса после 1094 г. тоже был диакон по имени Никита, равным образом состоявший впоследствии в переписке с Феофилактом Болгарским... Нельзя ли в этой связи предположить определенное преемство кадровой политики Вселенского Патриархата в отношении митрополии *Rhosia*, по крайней мере для эпохи Николая III Грамматика (1084–1111) и Иоанна IX Агапита (1111–1134)?

В. Е. НАУМЕНКО

Таврический Национальный Университет им. В. И. Вернацкого
Бахчисарайский историко-культурный заповедник
(Симферополь-Бахчисарай, Украина)

ФЕМА КЛИМАТОВ В ТАВРИКЕ

Не позднее весны — лета 841 г. византийским императором Феофилом (829–842) была учреждена фема Климаты в Таврике. Новая административная единица впервые фиксируется в Тактиконе Ф. И. Успенского (около 842–843 гг.), где «патрикий и стратиг Климатов» замыкает список правителей фем империи.

Известны три печати, которые, с большей или меньшей долей вероятности, принадлежат стратигам новой фемы. Первая из них, опубликованная в свое время И. В. Соколовой, содержит на реверсе фрагмент надписи «... Кл (иматов) Херс (она)». Учитывая некоторые грамматические неточности при такой реконструкции легенды, некоторые исследователи (К. Цукерман, Ж.-К. Шене) предполагали, что на испорченном месте перед топонимом «Херсон» было вырезано сокращение союза καὶ («и»). Следовательно, печать принадлежала неизвестному стратигу фемы «... Кл (иматов и) Херс (она)». Однако, плохая сохранность и малочисленность моливдовулов с таким топонимом не дают возможности настаивать на таком прочтении надписи. Тем более, что единственная аналогия, происходящая из Судакского архива печатей византийской таможни, также содержит подобный топоним в легенде: «... спа (фарокан)дида (ту)... К (лиматов Х)ерсо (на)». Наконец, Дж. Несбиттом и Н. Икономидесом была опубликована печать неизвестного чиновника «... пяти Климатов», которого издатели отождествляют с главой византийского военно-административного округа.

Среди нумизматических материалов отметим находку бронзовой литой монеты во время исследований Северного района Херсонеса с аббревиатурой ΜΒ на аверсе, а на реверсе — ΚΛ и, возможно, Μ и ΑΜ ниже. А. М. Гилевич расшифровывала надпись на оборотной стороне монеты как «Климаты» и связывала ее соответственно с функционированием одноименной фемы в Крыму. Приведенные данные сфрагистики и нумизматики вместе с уже отмеченными свидетельствами письменных источников позволяют, на наш взгляд, достаточно надежно отождествить фему, образованную в Таврике в правление Феофила, с фемой Климатов Тактикона Ф. И. Успенского.

Несколько слов о топониме «Климаты». К. Цукерман в свое время понимал под ним исключительно административные деления, дистрикты Готии, автономные районы области со своей крепостью и архонтом. По его мнению, территориальные пределы фемы Климатов ограничиваются Готией, не распространяясь на Херсон и Боспор. С такой интерпретацией содержания топонима согласиться трудно. Проведенный нами анализ случаев употребления термина в византийских источ-

никах IX–X вв. (Феофан, Никифор, Константин Багрянородный) показал, что под «Климатами» в широком смысле подразумеваются горные и приморские области Таврики, входившие в состав Византийской империи или находившиеся традиционно в орбите ее политического и культурного влияния, ограниченные территориально крепостями — Херсоном с запада и Боспором с востока, а в более узком значении — административные единицы, на которые делилась данная территория. Важно еще раз подчеркнуть, что крепости (города) Херсон и Боспор являлись центрами таких же, как и остальные, климатов. Их выделение объясняется большей известностью для византийских авторов, важным военно-стратегическим или первенствующим, как в случае с Херсоном, положением в регионе.

Полученные заключения в отношении содержания термина «климаты» чрезвычайно важны для понимания территориальных пределов одноименной фемы. В ее состав, судя по опубликованному Дж. Несбиттом и Н. Икономидесом моливдовулу, входило пять административно-территориальных округов («климатов»). Совершенно точно их количество совпадает с числом церковно-административных единиц в Крыму в Нотиции, составленной в первое патриаршество Николая Мистика (между 901 и 907 гг.). В перечне архиепископов, подчиненных Константинопольскому патриарху, соответственно на 72-м, 90-м, 97-м, 98-м, 99-м местах отмечены архиепископы Херсона, Боспора, Готии, Сугдеи, Фулл. Таким образом, византийский проект создания фемы в Крыму подразумевал, по крайней мере, номинально, включение в ее состав перечисленных горных и приморских областей полуострова.

Учреждение византийской фемы в Таврике, очевидно, свидетельствует, что традиционная гибкость в политике Византии по отношению к местным союзным «топархиям», характерная для конца VIII — начала IX вв., сменилась режимом прямого правления византийского «страти́га», который, исходя из известных принципов организации фем в других провинциях империи, должен был соединять в своих руках всю полноту гражданской и военной власти на вверенной ему территории. Трудно сказать, насколько реальными были подобными полномочия у страти́га фемы Климатов. Во-первых, из-за малочисленности источников мы можем лишь предполагать подчинение ему административных структур Боспора, Сугдеи, Фулл и Готии. Во-вторых, сам период функционирования византийской фемы в Таврике с таким названием крайне ограничен. Уже 50-ми гг. IX в. датируются наиболее ранние печати страти́гов фемы Херсон, а около 860 г. глава новой административной единицы впервые упоминается в письменных источниках — в «Житии с перенесением мощей св. Климента» («Итальянская легенда»; около 882 г.). Изменение названия фемы, очевидно, было связано с сокращением ее территории до пределов Херсона и его округи, что отражает реальные возможности византийской администрации осуществлять контроль над ситуацией на полуострове.

БРОНЗОВЫЕ ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ ХРИСТИАНСКИХ ХРАМОВ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

В процессе раскопок Херсона открыто более 60 христианских храмов и часовен, а также многочисленные предметы церковной утвари и церковного интерьера. В докладе мы остановимся на бронзовых осветительных приборах, которые играли не только важную утилитарную роль в храмовом интерьере, но имели также определенное мистическое значение. Так, например, по Симеону Богослову свет зажженных свечей символизировал «блеск Духа Святого».

В херсонских памятниках этого круга нами выделено, пять групп, при описании которых использовались термины, предложенные L. Bogus (Bogus, 1982).

К первой группе относятся лампадофоры (polykandelon), представлявшие собой плоские бронзовые диски, подвешивавшиеся на трех цепях. Они имели разнообразный ажурный декор, различные диаметры и разное количество ячеек для установки стеклянных лампад. Прослеживается прямо пропорциональная зависимость между диаметром диска и числом ячеек: чем больше диаметр, тем больше число ячеек для лампад.

Вторую группу составляют одиночные бронзовые лампы — кандила (candelai) разных диаметров, подвешивавшиеся, как и диски лампадофоров, на трех цепях.

Следующая группа осветительных приборов — многосвечники (lamna), представлявшие собой металлические полосы, иногда с дугообразной центральной частью, снабженные стержнями для насаживания свечей. Особый интерес представляют херсонские многосвечники, в которых стержни для крепления к стене были оформлены в виде кистей рук, сжимающих копья или скобы. Аналогии такому типу декора пока не известны. По наблюдениям исследователей многосвечники-лампы обрамляли эпистолии или иконы. Отметим, что два херсонских многосвечника располагались, судя по археологическому контексту, в верхней части алтарных преград.

Четвертую группу составляют осветительные приборы смешанного типа представленные как массивными хоросами (choros) (тип 1), так и светильниками меньших размеров (тип 2). Херсонские хоросы дошли до нас только в виде фрагментов боковых ажурных стенок, стержней для насаживания свечей, массивных литых цепей для крепления к куполу или потолку. Осветительный прибор смешанного типа 2 представлен одним экземпляром. Его верхняя часть сделана в виде равноконечного креста, который крепился на четырех цепях. На каждой ветви креста — по две чашечки с заостренными стержнями для насадки свечей. В нижней части — массивный круглый в сечении крюк для подвешивания лампадофора.

Объяснение символики осветительных приборов смешанного типа, в которых используются и воск, и елей, можно найти у Симеона Солунского, рассматривавшего воск, как «приношение Богу как бы от лица всего творения...», а елей — как «знамение милости Божией людям, «знамение духовных истин».

Последняя группа осветительных приборов Херсона представлена напольными и настольными канделябрами (candelabra) на одну или несколько свечей, устанавливавшиеся, как правило, перед особо почитаемыми иконами.

Обращает на себя внимание тот факт, что при большом количестве церквей и часовен, раскопанных на городище, найдено относительно немного осветительных приборов и все они, как правило, присутствуют в средне- или поздневизантийских слоях. Вместе с тем, нам хорошо известно, что в Херсоне уже в ранневизантийский период были и базилики, и крестообразные храмы, которые, естественно, нуждались в освещении. Это позволяет предположить, что в поздневизантийских храмах Херсона использовались осветительные приборы более раннего времени. Косвенно этот тезис подтверждается существованием специального склада вышедших из строя осветительных приборов, открытого авторами доклада в 2004 г. в одном из поздневизантийских кварталов Херсона. Благодаря этой находке, мы можем прийти к заключению, что далеко не все поврежденные осветительные приборы выбрасывались или переплавлялись. Некоторые из них складировались в специальных помещениях и, по-видимому, ремонтировались. К сожалению, квартал, в котором было обнаружено складское помещение, не был раскопан полностью. Поэтому пока мы не можем определить, находился этот склад при приходской церкви или городском монастыре, в рядовой жилой усадьбе или в мастерской ремесленника. Но сам факт существования такого склада, безусловно, свидетельствует об особом отношении херсонитов к церковным светильникам.

Таким образом, херсонские памятники дают нам не только новые образцы декора византийских церковных осветительных приборов и новые варианты их размещения в интерьере храма, но также свидетельствуют о существовании в Херсоне традиции их многовекового использования как, вероятно, и других предметов церковного обихода.

Л. В. СЕДИКОВА

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Украина)

ШТАМПЫ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЛИТУРГИЧЕСКОГО ХЛЕБА ИЗ ХЕРСОНЕСА

Штампы для изготовления литургического хлеба — редкие, но очень характерные находки для памятников византийской культуры. В разные годы в Херсонесе было найдено несколько глиняных штампов для изготовления евхаристиче-

ского хлеба. К ним относится изделие из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича у Карантинной бухты 1905 г.

Аналогичный штамп из случайных находок опубликован В. Н. Залеской. Два идентичных — найдены в Портовом районе: один в 1896 г. К. К. Косцюшко-Валюжмничем, другой Л. Г. Колесниковой в 1964 г. Из этого же района происходит штамп из раскопок А. И. Романчук. В Южном районе городища К. К. Косцюшко-Валюжиничем был найден штамп, обративший на себя внимание В. В. Латышева. В 1960 г. Н. В. Пятышевой при раскопках общественного здания на участке водохранилища, было найдено еще два штампа, один из которых в публикации А. И. Романчук и Э. И. Соломоник (1987) определен как крышка.

При раскопках засыпи городского водохранилища в Южном районе Херсонеса было найдены пять предметов, которые также следует интерпретировать, как штампы для изготовления евхаристического хлеба. По характеру обработки поверхности штампуемого поля и форме ручки их можно разделить на две группы.

Штампы №№ 1–4 представляют собой круглые в плане керамические диски диаметром 12–14 см, с ручкой, крепившейся двумя концами к краям изделия с обратной стороны. Штампующая поверхность разделена на квадраты, в каждый из которых вписано рельефное изображение креста с расширяющимися концами.

Штамп № 5 — керамический диск диаметром 8,5 см со следами ручки, крепившейся в центре диска на оборотной стороне. Штампующее поле также содержит многочисленные рельефные кресты, однако, их взаиморасположение более сложное. По краю диска расположена зеркально вырезанная по сырой глине надпись, в которой определенно читаются два слова: — «евлогия» и «Бога» (прочтение В. А. Сидоренко).

Следует отметить, что в коллекции Херсонесского заповедника хранится фрагмент обгоревшего деревянного предмета, который А. И. Романчук интерпретировала как фрагмент шкатулки. Но скорее всего перед нами уникальный артефакт — сохранившийся фрагмент деревянного хлебного штампа. Эта находка позволяет заключить, что кроме глиняных в византийском мире пользовались и деревянными штампами для изготовления евхаристического хлеба. По известным причинам сохраниться такие изделия могли крайне редко.

Большинство ранее известных штампов из раскопок Херсонеса датировались исследователями ранневизантийским периодом. Штампы из засыпи водохранилища по археологическому контексту можно отнести к чуть более позднему времени — к периоду так называемых «темных веков».

Заметим, что все находки хлебных штампов сосредоточены в двух районах города — Портовом и Южном. К сожалению, сохранность раннесредневековых слоев в Херсонесе не позволяет интерпретировать строительные остатки этого периода, однако сосредоточение многочисленных предметов местного производства, связанных с обеспечением культовой деятельности, может указывать на существование в этих районах монастырей.

В. А. СИДОРЕНКО

Крымское отделение Института востоковедения НАНУ
(Симферополь, Украина)

ЛИТЫЕ ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ IX–XII вв.

Местоположение средневекового Херсона не было известно П. С. Палласу во время его путешествия 1793 г., но во второй книге он дает в примечании, что «здесь часто находят медные монеты с оттиском якоря». Это первое упоминание о средневековых литых монетах Херсона, к наиболее поздним типам, которых относятся монеты с напоминавшей якорь монограммой «*ро-омега*», преобладавшие среди находок в верхних слоях города. В альбоме иллюстраций, сопровождавшем выпуск «Досугов крымского судьи» П. Сумарокова, помещены рисунки монет, среди которых часть распознаваема, и среди них две представляют литые херсоно-византийские, одна из них — анонимный выпуск Херсона со знаком номинала «Δ».

Раскопкам Херсонеса-Херсона, начавшимся в 1827 г. и давшим богатый нумизматический материал, предшествовали случайные находки средневековых монет на городище, что и позволило локализовать здесь местоположение города. Литые херсонские монеты IX–XI вв. впервые были опубликованы в 1803 г. Л. Вакселем, отмечавшим их находки на древнем городище. Г. Келер еще за пять лет до начала раскопок впервые определил принадлежность Херсону 22-х опубликованных им монет. Он же для чеканенных монет с именем Юстиниана I предложил чтение монограммы как «Херсонос», которое позже было дополнено А. В. Орешниковым в «Полис Херсонос». Некоторые из монограмм на литых монетах Херсона Г. Келер расшифровывал в имена (считая их именами протевонов) или в название города. Позже под слоями средневековых отложений и строительных остатков были обнаружены слои античного Херсонеса, но в продолжавшихся раскопках основным направлением исследований являлись именно средневековые слои, что пополняло в первую очередь коллекцию средневековых монет, в которой литые составляли значительное число. Увлечение расшифровкой монограмм на монетах Херсона породило и казусную публикацию Г. П. Алексева, интерпретировавшего монограммы на одной из ранее изданной Ю. Сабатье монет как имена киевского князя Владимира и царевны Анны. Обобщение известных типов херсоно-византийских литых монет и их интерпретация были предприняты А. В. Орешниковым, а атрибутирование и датировки отдельных типов пересматривались впоследствии А. М. Гилевич, И. В. Соколовой, В. А. Анохиным, Н. А. Алексеенко и др. Исследователи отмечали массовый характер монетного литья, ограниченную сферу обращения монет в IX–XII вв., но также и несовместимость существования городского монетного производства с представлениями историков-византистов о фемной организации города.

Из сообщаемых Константином Багрянородным рекомендаций Петроны Каматра императору Феофилу о назначении в Херсон стратигов следует, что до Фео-

фила (835–842 гг.) фемы в Херсоне не было. Стоявшие в это время во главе управления городом архонты Херсона, упоминаются в византийской «Табели о рангах» в третьем классе спафариев, но по данным сфрагистики в действительности имели придворные чины ипата, стратора, спафария и спафарокандидата. И. В. Соколова отмечала исчезновение печатей архонтов Херсона «на грани 70-х - 80-х гг. IX столетия». В начале второй половины IX в. (по датировкам издателями печатей иконоборческого типа) появляются печати с упоминанием новых для Херсона должностей стратигов и коммеркиариев (без указания чинов). Напомним, что русский летописец упоминает «князя градского» Никифора под 60-ми гг. IX в.

По мнению А. Л. Яковсона, Никифор был стратигом, а его назначение влекло за собой ограничение функций местного самоуправления, или его ликвидацию. С таким предположением трудно согласиться, поскольку помещавшаяся на литых монетах при Михаиле III (842–867 гг.) аббревиатура лозунга «полис Херсон» и несколько видоизмененная форма ее с отчетливо выраженной инициальной буквой того же лозунга на монетах Василия I (867–886 гг.) свидетельствуют на наш взгляд о существовании в это время полисной организации управления. Дополнительное подтверждение тому не сохранившая имени булла с процветшим крестом (около середины X в.), надпись оборотной стороны которой упоминает «полис Херсон», должностным лицом самоуправления которого должен был являться ее владелец.

В этой связи любопытно вспомнить еще пару фактов из истории Херсона. Во-первых, в правление Льва VI (886–912 гг.) в Херсоне вспыхнуло восстание, в результате которого горожанами был убит херсонский стратиг Симеон, сын Ионы, о чем сообщалось византийскими хронистами Феофаном Континуатом и Георгием Амартолом под 892 годом. Мы не располагаем сведениями о том, были ли предприняты меры по подавлению восстания, но, вероятнее всего, примирение было достигнуто путем уступок со стороны византийской власти в пользу города. Очевидно, следствием этого и подобных событий являются особые предписания Константина Багрянородного, предназначенные для исполнения стратигам в случае волнений в Херсоне.

После восстания и убийства Симеона надо полагать стратигами назначаются сохранившие свои функции протевоны, а город получает контролируемую стратигом денежную субсидию в десять литр из казны империи, кроме которой за ним сохраняются и ежегодные две литры от крепостей Климатов. Напомним, что Константин Багрянородный предписывал стратигу приостановить эти выплаты в случае мятежа.

Другой пример. Иоанн Скилица упоминает, что посланник императора Никифора Фоки к Святославу в 967 г. Калокир был сыном протевона из Херсона: «τὸν τοῦ ἐκ Χερσῶνος πρῶτευόντος υἱὸν τὸν Καλοκῆρον»; он же ранее был возведен в ранг патрикия. Несуразность заключается в присвоении высокого ранга не протевону, а его сыну, должность которого не названа, но не могла в реалиях иерархии быть выше должности отца. По мнению А. Л. Яковсона, Калокир будучи посланником получил должность херсонского стратига, которая, якобы, предполагала существование фемы Херсона, при этом он апеллировал к заключению Ф. И. Успенского, что стратиги византийских фем обычно получали чины патрикиев.

Благодаря публикации Н. А. Алексеенко известна вислая печать из Херсона с именем патрикия Калокира которая, подтверждает существование в Херсоне совмещения должностей стратига и протевона, (если сохранившееся «*стра*» восстанавливать и дополнять в название должности стратига): «...Καλοκύρ(ω), π]ατρ(ικω) (καί) στρα[τ(ήγω)] (καί) (πρω)τεί(οντι) Χερσ[ώ]νο(ς) – ...*Калокиру, патрикию, стратигу и протевону Херсона*». Вероятно, печать принадлежала тому самому Калокиру, о котором сообщал Скилица как о посланнике к Святославу в 967 г., а текст Скилицы был дополнен конъюнктурой «сын». Если слово «сын» приписано следовавшим логике переписчиком, то в оригинале у Скилицы могло быть вполне связное сообщение: «τὸν τοῦ ἐκ Χερσῶνος πρωτεύοντο<ς υἱόν τὸ>ν Καλοκύρων – *протевона Калокира, самогó из Херсона*». Выступавший в значении местоимения член в генетиве, поставленный перед предлогом, был принят переписчиком за несвязанный в падеже ни с одним существительным, что и побудило согласовать с ним должность протевона, логически дополнив фразу и восстановив аккузативный член перед именем. Таким образом, не сын протевона, а протевон «из Херсона» патрикий Калокир в 967 г. был посланником императора Никифора Фоки к Святославу, а из его вислой печати известно, что он также исполнял должность стратига. Предположение А. Л. Якобсона о назначении Калокира стратигом как видим полностью подтверждается печатью, но вывод исследователя о существовании в это время феми Херсон очевидно не имеет оснований, поскольку город сохранял свою самостоятельность в форме самоуправления во главе с протевон-стратигом, что, собственно, и давало городу право на производство монетной продукции.

Несостоявшаяся попытка стратига Симеона лишить город самостоятельности отразилась на прерывании монетного производства. Однако отказ от лозунга «полис Херсон» в аббревиатурах монет после 892 г., на наш взгляд, не означал ликвидацию муниципалитета поскольку производство литых монет осуществлялись вплоть до последней четверти XI в., а монеты продолжали участвовать в обращении наряду с массово производимыми их копиями и в XII, и в XIII веках.

Детальный анализ херсонского денежного литья позволил прийти к некоторым интересным наблюдениям, благодаря которым денежное хозяйство города в IX–XIII вв. можно представить в несколько ином, не традиционном свете.

Основными производителями монет в Херсоне на наш взгляд, очевидно, являлись две монетно-литейные мастерские. На принадлежность монетной продукции разным центрам производства указывает сосуществование двух групп монетных выпусков, каждая из которых развивает самостоятельную линию монетных типов: светской и храмовой. Первая группа, принадлежавшая вероятно муниципальному производству, представлена выпусками анонимных монет с инициальными буквами лозунга «полис Херсон», монет с аббревиатурной передачей того же лозунга и инициальными буквами имен императоров Феофила (ТН), Михаила III (МВ) и Василия I (В+). В церковном производстве монетные типы связаны преимущественно то ли типологической, то ли прямой с использованием формы оборотной стороны в качестве формулирующего оригинала с неизменным изображением

ем креста. Предполагаемая хронология видов литейно-монетного производства Херсона IX–XII вв. сведена в таблицу. (Табл. 1).

Кроме продукции официальных мастерских (церковной и муниципальной) немало литых монет производилось неофициально частными литейщиками, копировавшими путем прямого слепка официальные выпуски или создававшие свои оригинальные формы в подражание монетному типу (Рис. 1, 1–23). Литые копии от копируемых оригиналов отличает уменьшение диаметра поля монет с пропорциональным уменьшением всех элементов рельефного рисунка и понижение веса, определяемые усадочными свойствами формовочного материала — глины. Признаком одновременной формовки двух сторон оригинала является сохранение соотношения осей сторон на всех этапах копирования.

Для изучения технологии литейно-монетного производства Херсона имеют значение находки монет-маточников, изготовлявшихся ограниченным числом и использовавшихся для воспроизводства разрушаемых после каждой отливки сложных глиняных литейных форм (Рис. 1, 24–25). При недостаточности их числа, утрате или необходимости увеличить производительность цикла вместо них использовались также и уже отлитые по их образцу монеты, что поэтапно понижало размер, вес отливок, четкость их рельефного рисунка.

По справедливому замечанию В. А. Анохина, «использование монет в качестве штампов дает богатейшие возможности для изучения динамики монетного производства в Херсоне при каждом из императоров и позволяет разработать более узкие датировки выпусков в пределах каждого правления». Подобные возможности далеко не исчерпаны. Один из монетных типов с монограммой «*ро-омега*» на лицевой стороне (Рис. 1, 34–35) имеет оборотную сторону (крест на ступенях — две точки), изображения которой оттиснуты оборотной стороной монет с «бетой и двумя точками» (Рис. 1, 30). Логично заключить, что выпуски этих монет были на каком-то этапе синхронными и, если инициальную букву и монограмму по принятой традиции считать соответствующими именам Василия и Романа, то среди византийских соправительств с такими именами обнаруживается единственное — Романа II и его сына Василия II, правивших совместно с апреля 960 по март 963 гг. Таким образом, находится одна из возможностей обосновано датировать два херсонских монетных типа, оба из которых имели прежде совершенно различные датировки.

Как можно наблюдать, в монетном производстве Херсона монетный тип с изображением «бетой» на лицевой стороне и креста — на оборотной не представляет хронологически замкнутой чеканки, отличается видовым разнообразием и был наиболее популярным в качестве прототипа для копий и подражаний (Рис. 1, 5–16). По статистическим данным А. М. Гилевич, монеты с «бетой», относимые исследователями (начиная с А. В. Орешникова) к правлению Василия I (867–886 гг.), по числу известных экземпляров уступают только крупным монетам с монограммой «*ро-омега*» заключительных выпусков Херсона. Близкий ему прототип появляется в эпизодическом выпуске литой монеты уже в начале VIII в. (Рис. 1, 37–38).

Рис.1. Херсоно-византийские литые монеты IX-XII вв.

1-24 – неофициальные копии и реплики литых херсоно-византийских монет (уменьшено); 25-33 – монетные маточники (25, 29) и монеты, отлитые в формованных ими и теми же монетами формах; 34-36 – монеты с монограммой «ро», обобщаемые оттисками оборотных сторон с №№ 29-33; 37-38 – литая херсоно-византийская монета Вардана Филиппика со следами наложения поддельных штемпелей солида Льва III из Мангупского клада фальшивомонетчика и подобная ей монета из находок в округе Херсонеса.

Табл. 1. Хронология выпусков херсоно-византийских литых монет IX-XII вв.

Императоры, даты выпусков	Храмовые выпуски	Муниципальные выпуски
Анонимные выпуски 810-835 гг.		
Феофил, 835-842 гг.		
Михаил III, 842-886 гг.		
Василий I, 867-886 гг.		
Лев VI, Александр, 886-892 гг.		
Лев VI, Александр, 892-912 гг.		
Константин VII, 913-921 гг.		
Христофор, Константин VII, Роман I, 921 г.		
Константин VII, Роман I, 921-944 гг.		
Константин VII, Роман II, 945-959 гг.		
Роман II, Василий II, 960-963 гг.		
Никифор, 963-969 гг.		
Иоанн Цимисхий, 969-976 гг.		

Василий II, Константин VIII, 964-989 гг.		
Василий II, Константин VIII, 989-1025 гг.		
Роман III, 1028-1034 гг.		
Роман IV, 1067-1071 гг.		
Копии монет, 1071 г. - XII в.		

В. П. СТЕПАНЕНКО

Уральский Федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

«АРХОНТ АРХОНТОВ» В ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКЕ XI В.⁴

В последнее время был издан ряд печатей, владельцы которых обладали нетипичными для Византии символами социальной стратификации, в частности, печати архонтов архонтов, как, например, Татул Пакуриан.

Татул Пакуриан, протоновелиссим и архонт архонтов, как показывают его печати, является реальным историческим персонажем, информация о котором содержится в «Хронографии» Маттэоса Урхайеци.

Татула упоминали достаточно часто, преимущественно в связи с Первым крестовым походом и предысторией Киликийского армянского царства. Традиционно он считался армянином халкидонитом на византийской службе. А. П. Каждан поместил его в раздел «Отдельные аристократы армянского происхождения».

Маттэос Урхайеци пишет: «В это время (549 г. арм. эры = 29.02.1100–22.02.1101 гг.) ромейский зорпет (полководец) ишхан ишханац находился в городе Мараше, принадлежавшем греческому царю Алексею. Годом раньше (город) был дан Алексею ишханами франков».

⁴ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (НИР «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и этнокультурное измерение» - ГК 02.740.11.0578).

Статус Мараша и его района в данный период достаточно смутен. По видимому, в середине октября 1097 г. он мог быть передан крестоносцами представителям императора, но вряд ли был ими удержан. Также неизвестно когда появился в Мараше и архонт архонтов Татул Пакуриан. Судя по его печатям, протоновелиссимом он мог стать после реформы византийской табели о рангах, предпринятой Алексеем Комниным в конце 80-х гг. XI в., и до появления в Мараше.

Как бы то ни было, если верить Маттэосу Урхайеци, крестоносцы передали его грекам в конце 1099 г., что подтверждает и Анна Комнина. Так что править Марашем от имени императора Татул мог не ранее этой даты. Уже летом 1100 г. он был осажден в нем Боэмундом, а в 553 г. армянской эры (23.2.1104–21.2.1105) «Мараш был взят у греков. Ишхан ишханац Татул ушел из него, передав этот город Жослену, и икону святой Богородицы он продал за многие золотые великому ишхану армян Торосу, сыну Константина, сына Рубена, а сам отправился в Константинополь».

Каков же был юридический и фактический статус Татула в Мараше? По мнению С. Рэнсимена, он был византийским функционером до того, как стал правителем Мараша. Для Р. Груссе, он был армянским офицером, «поставленным византийцами губернатором Мараша».

«Архонт архонтов» не принадлежит ни византийской табели о рангах, ни системе должностей в провинциальной администрации, ранее относясь к сфере внешней политики империи. Его получали преимущественно шаханшахи армянского Ширак-Анийского царства Багратидов в знак признания империей их главенства над остальными государствами Закавказья, рассматриваемыми в Константинополе в качестве вассалов василевса ромеев в рамках византийской ойкумены.

Статус архонта в Византии XI — начала XII в., уже довольно неопределен. Его присваивали себе (или получали из Константинополя?) фактические владельцы лимитрофных территорий, ранее принадлежавших империи и продолжающих считаться таковыми в Константинополе. Так, после завещания своего удела Василию II (зима 1021/22 гг.) шаханшах Ширак Анийского царства Иовханнэс-Смбат получил от императора титул магистра и был назначен пожизненным архонтом Ани и Великой Армении.

В настоящее время невозможно даже установить являлся ли пост (или титул?) архонта архонтов византийским, определяя его статус и его обладателя как византийского провинциального чиновника или владельца одной из ранее принадлежавших империи малоазийских территорий. Архонт архонтов может быть калькой с армянского «ишханац ишхан» и тогда его корни следует искать в Багратидской Армении, эмигранты из которой составляли значительную часть населения данных районов, на базе которого позже образуются упомянутые выше государства.

В этой связи представляет интерес хранящаяся в музее Тарса печать некоего архонта архонтов Кракуртаса, и издаваемая И. Иордановым печать архонта архонтов Григория Пакуриана. Принадлежность двух из трех известных обладателей данного титула к фамилии Пакурианов дает возможность несколько иначе интерпретировать данную титулатуру, связав ее происхождение с Закавказьем.

В багратидской Армении титул ишханац ишхан известен по надписям из церкви Апостолов в Ани 1031 г. Абухамра, сына ишханац ишхана Вахрама Пахлавуну, и в надписи самого ишханац ишхана Вахрама в той же церкви. Известен он и в грузинском варианте в Тао-Тайке. Так, первый известный нам представитель рода Цоцикиев Джоджик был эриставт эристави и командовал армией Багратиды Давида Куропалата. С этим титулом в армянском варианте-ишханац ишхан упоминает его Степанос Таронаци. В грузинском — приписки в рукописи Иверского монастыря на Афоне — сам титул временами встречается и у представителей династии Багратидов Тао, в их ктиторских надписях.

В то же время во 2-й половине XI в. представители армянских родов в Византии в надписях своих печатей называют себя Аршакидами, что дало возможность В. Зайбту высказать предположение о существовании в Византии данного рода. Однако, очевидно, что Аршакидами объявляли себя представители как царских родов Багратуни и Арцруни, так и нахарарских — Пахлавуну. Так, известный деятель данного периода Григор Магистр Пахлавуну, будучи византийским функционером, в надписи 1054 г. из Кечариса в Армении называет себя Аршакидом и Хайказном, возводя свой род не только к реально правившей в Армении династии, но и к прародителю армян Хайку. Первое в известной степени льстило самолюбию армянской аристократов, вынужденно оказавшихся на территории Византии вследствие аннексии ею армянских государств Закавказья, так как в Византии Аршакиды были объявлены предками основателя Македонской династии Василия I. Второе же подчеркивало древность нахарарских родов Армении и в Византии. На наш взгляд, к той же категории относится и возрождение к концу XI в. и титула «архонт архонтов», также подчеркивавшего древность и благородство происхождения его обладателя. Отметим, что появляется он в надписях частных печатей представителей армянских родов или же катвезелизированных таосских. В этом случае архонт архонтов является греческой калькой с «ишханац ишхан» или «эриставт эристави» и не имеет никакого отношения ни к византийской таблице рангах, ни к ее же системе административных постов.

А. ФИЛИПЧУК

Черновицкий национальный университет
(Черновцы, Украина)

ПРОСОПОГРАФИЯ РОСОВ И ВАРЯГОВ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМИИ: ИНДИВИД И СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА

Исследование наемников как социальной группы предполагает предварительное изучение нескольких особенно важных вопросов: 1) каким образом конструировалась профессиональная идентичность; 2) какие связи соединяли наемников в социальной группе; 3) «границы» социальной группы; 4) интеграция группы в византийское общество. Круг проблем можно (и следует) несколько увеличить,

но, главное, залогом их возможного решения является составление просопографического лексикона росов и варягов в византийской армии, что собственно и составляет задачу моего доклада. Существенно усложняет ее то, что имена росов и варягов встречаем, как в различных в языковом отношении источниках, так и представляющих разные жанры литературы от исландских саг до византийских хроник. Последнее обстоятельство выдвигает, во-первых, проблему перевода, а именно — верно ли понял автор свой источник при написании имени воина? Во-вторых, ввиду сосуществования различных идентичностей — христианской и языческой, что говорит нам имя индивида? В нашем случае, нередко именно имя и позволяет включить индивида в определенную группу или, напротив, исключить его. Процесс отбора таит немалую опасность, впрочем, известную для просопографических исследований, когда скудность источников является достаточным основанием для неопределенности выводов. В настоящем докладе, я остановлюсь на нескольких группах источников, информация которых о росах и варягах на византийской службе более всего соответствует нашей проблеме:

1. *Скандинавские рунические надписи* сообщают имена 17-ти воинов, которые находились на византийской службе примерно от 990 до 1100 гг. Кроме имени *рунические надписи* изредка указывают статус воина в группе наемников.

2. *Скандинавские саги и поэзия скальдов* являются обильным источником для представлений о повседневной жизни скандинавов в Византии, где их имя и «честь» служили одним из конструктов семейной памяти; в связи с чем саги упоминают имена 20-ти из них.

3. *Византийская агиография*. В *Чудесах св. Евгения Трапезундского* находим три пассажа об исцелении роса на византийской службе, где среди ряда чудес произошедших с ним, указывается также и его имя — *Симеон*.

4. *Византийские исторические сочинения*. Сообщения об именах наемников в византийских историях и хрониках являются чрезвычайно скудными. Так, в силу различных причин, нам известно только о четырёх лидерах наемных групп. В частности, Иоанн Скилица упоминает *Сфенга* и *Хризохира*, Катакалон Кекавмен пишет о *Харальде Гардраде*, а Анна Комнина сообщает о *Намбите*.

5. Из собраний *византийских печатей* для нашей проблемы интересны те, где упоминаются росы или варяги. К сожалению, их очень мало. Все они принадлежат так называемым *переводчикам* (ἑρμηνευταί), лицам, осуществляющим функции коммуникации между наемными группами и императорским двором. Среди них, *Сфени*, *патрикий* и *переводчик инглингов* (Σφένι πατρικίῳ καὶ διερμηνευτῆ τῶν Ἑνκλίνων), а также Михаил, *севаст*, *пансеваст* и *великий переводчик варангов* (πανσεβάστου σεβαστοῦ καὶ μεγάλου διερμηνεύτου τῶν Βαράγγων Μιχαήλ).

Н. И. ХРАПУНОВ

(Крымское отделение Института востоковедения НАНУ
(Симферополь, Украина))

О МОНЕТАХ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ПРЕДГОРНОМ КРЫМУ

В докладе анализируется использование монет в погребальном обряде по материалам памятников, которые находятся в окрестностях Херсонеса. Это некрополи, пережившие катастрофу середины III в., или возникшие сразу после неё, которые принадлежали сармато-аланам (Дружное, Нейзац, Озёрное III, Суворово, Инкерманский), германцам (Ай-Тодор, Чатырдаг), или смешанному населению (у совхоза «Севастопольский», Чернореченский). По крайней мере, часть монет из этих могильников является показателем непосредственных или опосредованных связей с Херсонесом.

Меньше всего монет найдено в Суворово (четыре экз.), больше всего — в могильнике у совхоза «Севастопольский» (63 экз.). Число находок, как правило, пропорционально количеству раскопанных могил. Большая часть найденных монет чеканена в разных центрах Римской империи, преимущественно в её восточных провинциях, имеются также выпуски Боспорского царства, немногочисленные херсонесские, и единичные — Ликии и Амастриды. Римские монеты относятся к наиболее популярным в тот или иной период номиналам (серебро во II–III вв.; бронза, начиная со времени Диоклетиана).

В большинстве случаев, могилы с монетами составляют не более 10% от общего числа могил в некрополе. Исключения — Ай-Тодор, Озёрное III и Суворово (22–35%), причём в двух последних случаях раскопано небольшое количество погребальных сооружений. Монеты найдены в женских, мужских и детских могилах всех типов, положение относительно костяка могло быть разным.

Во многих монетах (до 40% из найденных на одном памятнике) пробиты отверстия для подвешивания. Судя по их положению, владельцев не интересовал смысл изображения на монете, которое могло оказаться повёрнутым или перевёрнутым. За исключением двух поздних находок из Чернореченского могильника, отверстия делали только в бронзовых монетах.

В сармато-аланских трупоположениях обычно находят по одной или две монеты (семь штук максимум), в германских кремациях монет бывает и больше, до 15 в погребении. В сармато-аланских памятниках хронологический разрыв между монетами в одной могиле, как правило, невелик (до нескольких десятков лет), тогда как в германских кремациях он может быть около века и даже более.

Зафиксировано два периода, когда монеты в могильники не поступали, в отличие от других вещей греко-римского происхождения. Один приходится на несколько десятилетий во второй половине III в. (на разных памятниках его границы слегка отличаются), другой начинается со второй половины правления

Константина I и длится до конца функционирования некрополей. При этом монеты первой половины правления Константина I составляют наиболее значительную группу находок. Очевидно, речь идёт о прекращении контактов с источником или источниками поступления монет. Единичные находки второй — третьей четверти IV в. сделаны на памятниках, которые находятся ближе к Херсонесу, чем остальные (Ай-Тодор, Чернореченский, у совхоза «Севастопольский»).

В целом, ситуация с монетами очень близка на всех сармато-аланских могильниках. В этом отношении германские памятники, несмотря на некоторые важные особенности, также имеют с ними общие черты.

В историографии появление монет у населения, оставившего некрополи в предгорной части Крыма, нередко связывается с войнами на Дунае и в Крыму, в частности, описанными в 53-й главе трактата Коснатина Багрянородного «Об управлении империей». Есть веские основания в этом усомниться: монет мало, они встречаются в женских и детских погребениях, нет других ярко выраженных трофеев, сомнительна привлекательность медных денег как добычи, оставившие могильники люди не вполне понимали, что такое монеты, среди находок почти нет продукции дунайских монетных дворов. Источник или источники поступления монет мог меняться с течением времени и быть разным для разных памятников. Непонятно, почему, когда монеты прекращали использоваться в обряде, к жителям крымских предгорий продолжали поступать античные вещи.

Следует отметить не самое высокое качество описаний и изображений монет в большинстве публикаций. Перспективным представляется переиздание монетных находок из варварских могильников Крыма с подробным описанием, уточнением типа по каталогу RIC, и качественными фотографиями. К сожалению, это не всегда можно сделать, ведь многие находки уже утрачены.

В. Н. ЧХАИДЗЕ

Институт археологии РАН
(Москва, Россия)

ВИЗАНТИЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В ТАМАТАРХЕ-ТМУТАРАКАНИ В IX–XII ВВ.

До настоящего времени история институтов светской и духовной власти Византийской империи на территории Таманского полуострова (прежде всего это центр — город Таматарха-Тмутаракань) в достаточной степени не освещена в научной литературе. В этой связи значительный интерес представляет относительно новый для Таматархи-Тмутаракани круг источников — более 40 византийских моллидовулов IX–XII вв. Большинство свинцовых печатей обнаружено во время раскопок Таманского городища, а также в затопленной морем части памятника.

Большой интерес представляют находки двух печатей епархов Города (т.е. Константинополя) — императорских протоспафариев Василия (IX в.) и Льва (X в.).

Эпарха Константинополя назначал лично император — обычно это чиновники, обладавшие высокими титулами. Эпарху была подчинена вся столица, включая пригороды. В его обязанности и функции входили регулировка хозяйственной жизни, контроль над торговлей и ремеслами. Печатью столичного чиновника, служащего при дворе и работающего с документами, является моливдовул Георгия, протоспафария, императорского нотариуса (X в.). Находки этих трех печатей позволяют говорить о прямой связи Таматархи–Тмутаракани со столицей империи.

О связях с Херсоном свидетельствуют находки печатей Григория, императорского спафария и архонта Херсона (первая половина IX в.), а так же Георгия, протоспафария и стратига Херсона (60-е–70-е гг. X в.).

Значительную группу (12 экземпляров) представляют печати главных логофетов. Они датируются с первой половины IX в. и до начала XI в. Также, с города происходит моливдовул X в. с надписью «переправа».

Таким образом, можно утверждать о взятии Империей в Таматархе как государственных податей, так и таможенных пошлин за экспорт и импорт. Моливдовулы свидетельствуют о включении Таматархи–Тмутаракани в состав Византийской империи как значительного торгового порта.

Отметим также печать финансового чиновника, контролирующего расходы — Константина, протоспафария, койтонита, логариаста и слуги василевса (XI в.).

Наконец 9 печатей принадлежат правившему в Тмутаракани в 1083–1094 гг. Олегу Святославичу. Моливдовулы относятся к типу печатей провинциальных наместников византийского императора, и это может свидетельствовать о договорных отношениях Олега и Алексея I Комнина, подразумевавших под собой признание суверенитета империи над Тмутараканью. Вероятно, после ухода Олега из Тмутаракани в 1094 г., или же после его смерти в 1115 г. город переходит под суверенитет Византии, который сохраняется на всем протяжении XII в. Это подтверждается известием Мануила Страворомана о территориальных приобретениях Алексея Комнина на «Боспоре Киммерийском», восстановлением фемы Боспора.

Наконец, XII-м веком датированы 7 печатей Михала Матарха. Родовое имя Матарх происходит от топонима Матарха, бывшей Тмутаракани.

Ряд моливдовулов свидетельствуют об институте духовной власти Византии в городе. Это моливдовул представителя патриарха — Георгия монаха, кувуклия и экзарха (X в.), а также две частные печати XI в., Василия, диакона и хартулария, и Афанасия монаха.

Известно несколько моливдовулов церковных иерархов: Антония, архиепископа Зихии и митрополита Матрахи (40-е - 50-е гг. XI в.) (3 экземпляра); неизвестного по имени проэдра (архиепископа) Зихии (вторая половина XI в.). В XI–XII вв. за архиепископией Матархи по-прежнему оставалась задача проповеди христианства среди зихов, что подчеркивалось и ее официальным наименованием в *Notitiae episcopatum* — епархия «Матрахи и Зихии». В XIII в. архиепископия была преобразована в митрополию.

Находки моливдовулов византийских чиновников в Таматархе-Тмутаракани показывают непосредственное распространение имперского влияния на полуостров и включение последнего в сферу обширного бюрократического аппарата на северных границах Византийской империи в IX–XII в. Несмотря на последовательное владычество в регионе хазар, а затем Древней Руси, мы можем говорить о Таматархе–Тмутаракани как об одном из крупных торговых центров Византии, играющем ключевую роль в политике и экономике северо-восточной части Понта и Меотиды.

А. В. ШАМАНАЕВ

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРОСОПОГРАФИИ В «ЗАПИСКАХ» ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

Одесское общество истории и древностей (ООИД), созданное в 1839 г., было первым в России научно-археологическим обществом, просуществовавшим до 1922 г. Эта организация внесла большой вклад в изучение и сохранение древностей Северного Причерноморья. Особый интерес представляет печатный орган ООИД — «Записки», которые являются корпусом исследований и публикаций источников, не сопоставимым по объему и значению с каким-либо другим региональным историко-археологическим изданием России XIX — начала XX в. (33 тома, более 1700 печатных листов, издавались с 1844 по 1919 г.).

Нужно отметить, что издание «Записок» ООИД пришлось на то время, когда просопографические исследования еще не выделились в особое направление византистики. Кроме того, центром византиноведческих исследований в Одессе был Новороссийский университет. При нем существовало Историко-филологическое общество (1888), в составе которого функционировало византийское (1891), а позже — византийско-славянское (1898) отделение. Многие профессора историко-филологического факультета входили в состав ООИД, в том числе, такие известные византилисты как Ф. И. Успенский и Н. П. Кондаков. Также, членами ООИД были и другие видные специалисты по истории Византии — В. Г. Васильевский, Ю. А. Кулаковский, архимандрит Антонин (А. И. Капустин) и др.

Просопографические материалы в «Записках» ООИД, относящиеся к истории Византии, представлены двумя типами: исследования и публикации источников. Хронологически они охватывают период V–XV в., однако, их основная часть приходится на время после X в. Так как ООИД было ориентировано на изучение истории и археологии Северного Причерноморья, абсолютное большинство материалов связано с этим регионом. При этом в центре внимания исследователей чаще всего оказывались сюжеты, связанные с Крымом. Авторами работ содержащих просопографические данные были Н. Н. Мурзакевич, В. Н. Юргевич, архи-

мандрит Антонин (А. И. Капустин), Ф. И. Успенский, В. В. Латышев, А. Л. Бертье-Делагард, О. Ф. Ретовский и некоторые другие члены ООИД.

Среди публикаций выделяется статья Ф. И. Успенского, посвященная изучению истории династии Даншимендидов из Восточной Анатолии (том 11). На основании скудных данных письменных источников, а также нумизматических находок, ученому удалось частично реконструировать генеалогию династии. Кроме того, Ф. И. Успенский смог установить подробности биографий двух правителей — Мелик Гази (Гази Гюмюштекин) и Дзул-Нуна (Зу-н-Нун). Не смотря на то, что представления о Даншимендидах со временем были расширены и претерпели изменения, статья Ф. И. Успенского во многом не утратила актуальности.

Большой интерес представляют публикации, посвященный священнослужителям крымских епархий. В основном, представлены источники, содержащие информацию о назначении, передвижении по службе, смерти священников. Так, архимандрит Антонин (А. И. Капустин) представил список архиереев Сугдеи («Судакский синаксарь»; том 5). Обширный просопографический материал содержится и подборке актов Константинопольского патриархата с 1317 по 1401 г., опубликованной этим же исследователем (том 6). В. В. Латышевым и В. Н. Юргевичем были изданы эпиграфические памятники из Крыма — надписи на надгробиях служителей церкви.

Самый значительный по объему блок информации просопографического содержания относится к истории итальянских колоний в Крыму. Прежде всего, это исследования Н. Н. Мурзакевича и В. Н. Юргевича о генуэзских консулах Кафы. Они основаны на данных письменных источников из итальянских архивов, а также эпиграфических материалах из Феодосии (Кафы), Судака (Солдайи) и Балаклавы (Чембало). Особый интерес представляет перевод В. Н. Юргевичем «Устава» колоний Генуи 1449 г., содержащий информацию о функциях и обязанностях ряда должностных лиц Кафы и зависимых от нее поселений (том 5).

В. Н. Юргевич опубликовал 16 свинцовых печатей из собрания Одесского общества истории и древностей, принадлежавших византийским чиновникам и духовным лицам. Стоит отметить, что основная часть булл была приобретена у торговцев древностями, однако другие происходили из раскопок ООИД в Херсонесе. В числе последних — печать Георгия Цулы, найденная в 1884 г.

Таким образом, «Записки Одесского общества истории и древностей» содержат интересный источниковый материал для просопографических исследований некоторых групп населения Крыма византийского времени (священнослужители, византийские чиновники, представители администрации итальянских колоний). Кроме того, опубликованные в «Записках» работы характеризуют интерес российских ученых XIX — начала XX вв. к изучению просопографических данных, происходивших из провинциальных центров Византии и сопредельных территорий.

**IV Міжнародний
Візантійський семінар**

**ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
«імперія» і «поліс»**

ТЕЗИ ДОПОВІДЕЙ І ПОВІДОМЛЕНЬ

(російською та болгарською мовами)

Редактор –упорядник М. Алексеенко
Комп'ютерна верстка М. Ареф'єв
Коректор Л. Гріненко

Здано до набору 20.04. 2012. Підписано до друку 30.04.2012.
Формат видання 60x84 1/16. Гарнітура Times.
Обл.-вид. арк. 5,38
Наклад 100 прим.

Оригінал-макет виготовлено СПД Ареф'єв
99053, Севастополь, пров. Матроський, 24.
Свідоцтво про реєстрацію СВ № 002 від 26.12.2001.
Тел.: + 38 (0692) 45 35 92
E-mail: intersfera65@ mail.ru

Надруковано НВЦ «ЕКОСІ-Гідрофізика» 99011
м. Севастополь, вул. Леніна, 28
Свідоцтво про державну реєстрацію
Серія ДК, №914 від 16.02.02 р.